

1. ПРЕДМЕТ И ЗАДАЧИ НАУКИ О ЯЗЫКЕ

Языкознание – наука о развитии языка, об общественной природе, о выполняемых функциях и о классификации языков. Язык может быть как объектом, так и предметом исследования. *Лингвистика* – одна из наиболее древних и разветвленных наук. Она может быть подразделена на несколько областей. Структурный подход позволяет выделить *фонетику, фонологию, лексикологию, семантику* и *словообразование*. Язык является реальным и объективным во всех своих структурных единицах. Языкознание связано с литературоведением, историей, логикой, психологией, философией, семиотикой, кибернетикой, информатикой, физикой, физиологией, анатомией, естествознанием. Язык обеспечивает отношения и контакты совершенно разных областей в науке. *Общее языкознание* имеет своей целью следующее:

- определить природу языка, его основную сущность;
- установить основные ярусы;
- создать языковую классификацию;
- разработать методику анализа, усовершенствовать приемы и методологию общего языкознания.

Частное языкознание – наука одного языка. Любое частное языкознание начинается с создания словаря и с написания грамматики. *Языковед* – специалист в области теории языков. *Полиглот* – человек, активно владеющий более чем 3 языками.

2. ПРИРОДА ЯЗЫКА И ЕГО ОСНОВНАЯ СУЩНОСТЬ

Понятие «естественный язык» означает средство общения с помощью членораздельной звуковой речи и письменное общение с помощью буквенной ее записи. Буквенная запись сохраняет членораздельность звуковой речи: она может быть прочитана и переведена в звуковую форму. Понятие «естественный язык» означает также, что человек для создания членораздельной речи пользуется своими природными телесными возможностями и создает разнообразия звуков. Эти разнообразия могут нести смысл, передаваемый другим людям, и отличаются от разнообразия звуков, издаваемых животными (кошками, волками, лягушками, попугаями и т. д.), тем, что животные используют звуковые сигналы с целью отстоять территорию, показать половые и возрастные различия и наладить семейную жизнь, дать команду к нападению или бегству. Но сигналы животных не называют предметов, т. е. не содержат *имен*. Естественный язык человека, в отличие от сигналов животных, основан на названиях вещей и предметов и представляет собой имена, в том числе и имена внутренних состояний и команд. Выражение *естественный язык* служит для того, чтобы отделить объект исследования языкознания от метафорического использования слова *язык* в выражениях типа *язык музыки, язык танца, язык костюма* и даже... *язык волос* (у парикмахеров) и т. д. Подобные метафорические обороты речи показывают, что «языком» в широком смысле слова называют любое средство общения: музыку, танец, моделирование одежды и даже искусство прически. Эти метафоры подчеркивают роль естественного языка – служить средством общения.

3. ЯЗЫК КАК СИСТЕМА. ПОНЯТИЕ СТРУКТУРЫ ЯЗЫКА

Язык представляет собой четкую организованную систему. Он основан на связи частей чего-либо. Наиболее крупное членение на элементы – разделение языка на фонетику, морфологию, синтаксис и т. д. Элементы, характеризующие связи и отношения, могут быть материальными и семантическими, функциональными и генетическими, двусторонними и односторонними, одноуровневыми и межуровневыми. Помимо определенных типов связи и отношений, есть некоторые другие. *Парадигматические* отношения существуют среди элементов системы языка в отвлечении от речи.

Синтагматические отношения возникают, когда элементы низшего уровня входят в состав высшего уровня. Изучение любого языка, его структурных уровней, составных частей и даже отдельных единиц требует рассмотрения типов их связи. *Материальные системы* состоят из материальных объектов (любых живых организмов). Если элементы значимы сами по себе – это *первичные материальные системы*. *Вторичные материальные системы* возникают благодаря деятельности людей. *Идеальные системы* состоят из абстрактных объектов (взглядов). Все элементы функционирования обнаруживают в себе самые разные свойства, например:

- *эмергентность* – утверждение о том, что сложное целое не есть сумма его частей;
- *адаптивность* – приспособление к окружающей среде;
- *самоорганизация* – способность изменять свою структуру.

Эти понятия не разграничивались, т. е. лингвисты ставили в центр внимания системные свойства языка (*структурализм*). *Система* – объект любой, понимаемый как нечто целое. *Структура* – совокупность связей и отношений между элементами. Структура есть атрибут системы. Свойство системы – несводимость ее особенностей к простой сумме свойств составляющих ее элементов.

4. ПОНЯТИЕ ЯЗЫКОВОЙ ДИХОТОМИИ: ЯЗЫК / РЕЧЬ

Фердинанд де Соссюр был одним из первых исследователей, четко осознавших, что язык имеет самые различные свойства, следовательно должен характеризоваться с разных сторон и может получать различные определения. *Язык*, анализируемый с точки зрения своей функции в коллективе людей, может рассматриваться как средство общения, средство выражения мыслей, средство оформления мыслей. Язык, рассматриваемый с точки зрения условий своего существования, предстает перед нами как факт культурно-исторический. Язык, исследуемый с точки зрения своего внутреннего устройства, должен быть определен как система, как известная структура. В связи с последним положением Соссюр писал: «Язык есть не что иное, как система чистых значимостей». Все, относящееся к лингвистической системе, для Соссюра есть взаиморасположение элементов системы. В «*Курсе общей лингвистики*» Соссюр среди различных определений языка дает следующее: «Язык – это система знаков, в которой единственно существенным является соединение смысла и акустического образа, причем оба эти элемента знака в равной мере психичны». В данном определении язык выступает как явление психического характера, и Соссюр не случайно подчеркивает это свойство языка. Очень важным для понимания и оценки воззрений самого Фердинанда де Соссюра, а также для понимания истоков соответствующих лингвистических построений XX в. является строгое разграничение, которое Фердинанд де Соссюр проводил между *языком* и *речью*, которые оба входят как компоненты в *речевую деятельность*. Если язык *психичен*, то речь, в отличие от языка, *психофизична*. Уже поэтому совершенно необходимо, по его мысли, проводить четкое различие между языком и речью. Ведь если этого не делать, то, как считает Соссюр, пришлось бы включить в языкознание целый ряд наук – психологию, антропологию, нормативную грамматику, филологию и т. д., которые, по его словам, «мы отграничиваем от лингвистики». Речевая деятельность, охватывающая как язык, так и речь, - многоформенна и разносистемна, по мнению Соссюра. Она вторгается в несколько областей, таких, как область физики, физиологии и психики. Кроме того, она относится и к индивидуальной и к социальной сфере. Язык же, по Соссюру, «только определенная часть, правда, важнейшая часть, речевой деятельности». Фердинанд де Соссюр очень четко формулирует это положение, заявляя: «Язык для нас – это речевая деятельность минус сама речь... Язык, с одной стороны, социальный продукт речевой способности, с другой – совокупность необходимых условий, усвоенных общественным коллективом для осуществления этой способности у отдельных лиц. Если бы мы были в состоянии охватить сумму всех словесных образов, накопленных у всех индивидов, мы бы коснулись той социальной связи, которая и есть язык. Язык – это клад, практикой речи отлагаемый во всех, кто принадлежит к одному общественному коллективу, это – грамматическая система, виртуально существующая у каждого в мозгу, точнее сказать, в сознании целой совокупности индивидов, ибо язык не существует полностью ни в одном из них, он существует в полной мере лишь в коллективе». Итак, в языке все социально, все общественно обусловлено. И если *речевая деятельность* охватывает как *индивидуальное*, так и *социальное*, то язык – только *социальное*. Следовательно, остается еще *индивидуальная сторона* речевой деятельности, которая и относится к *речи*. Язык – результат многовекового творчества народа. Он – воплощение народной активности. Язык – творец во всех своих строгих законах, нормах, требованиях. Это проявляется в том, что в каждую эпоху язык бережет себя как народную драгоценность. Возникают уродства, искажения – и исчезают, не принятые языком. *Речь* тоже творчество. Речь – использование языка в конкретных ситуациях. Это не сборка механизма на конвейере по одной и той же инструкции. Творчество заключается здесь не в том, чтобы изменить язык, а в том, чтобы наиболее успешно его использовать. Таким образом, язык определяет речь, указывает ее звуковые, словесные и грамматические возможности. А в речи иногда появляются новшества – сначала по инициативе отдельных говорящих, потом как приметная и увлекательная новинка и, наконец, как общеупотребительное языковое средство. Уловить момент перехода речевого в языковое очень трудно. Пока новое употребление не стало нормой языка, оно представляет собой только речь. А когда оно войдет в язык, получив всеобщее признание, никто и не вспомнит, что совсем недавно это употребление было индивидуальной речевой особенностью. Так складываются отношения языка и речи. Язык организует, создает речь. Речь медленно обогащает и изменяет язык.

5. ПОНЯТИЕ ЗНАКА. ЯЗЫК КАК ЗНАКОВАЯ СИСТЕМА

Любому языку – родному, иностранному, специальному – нужно научиться. Сами звуки не дают понимания того, что они символизируют. Мы принимаем по условию связь определенных звучаний с определенным значением. Таким образом, естественный язык – это знаки. *Знаком* называется любая взятая из природы или специально изготовленная вещь, которая по условию наделяется значением. Знаками является все то, что организует общественную (а не биологическую) жизнь, например: деньги, чертежи, схемы, сигналы светофора и т. д. От знаков следует отличать признаки или симптомы. *Признаки* или *симптомы* суть наблюдаемые и фиксируемые свойства вещей. Например, вес, размер, магнитные линии Земли и т. д. Симптомы лежат в основании поведения животных и биологического поведения людей. Так, кот, пробираясь через траву, различает признаки своего пути: ибо привычные маршруты он метил особыми выделениями. Эти метки служат сигналом для других котов, извещая, что данная территория занята. Для кота и признаки, и сигналы играют равную роль. Сигналы суть такие же признаки, как высота травы и местные приметы кошачьего маршрута. Это объективная данность. Люди тоже находят и различают признаки вещей. И для них знание – это установление признаков вещей и их анализ. Подобно животным, люди склонны оставлять метки: скажем, привычное размещение вещей в квартире есть метка, указывающая, что порядок не нарушен. Но люди как общественные существа сумели превратить такие метки в условные знаки для передачи социальной семантической информации. С помощью знаков передается социальная семантическая информация, например: указатели уличного и дорожного движения, обрядовые действия, сигнальный выстрел стартера к началу соревнования и другое подобное. Знаки, создаваемые и назначаемые людьми, бывают *оказиональными*, профессиональными и общими. Под *оказиональными* знаками мы понимаем знаки, установленные на определенный конкретный случай. Так, на Кавказе дым костров, замеченный сторожевыми заставами, давал знать наблюдателям на сторожевых башнях, что приближается враг, и селение начинало готовиться к обороне. На железной дороге применяются *профессиональные* знаки. Например, опасное место ограждается хлопушками-петардами, устанавливаемыми на рельсах. Машинист, когда слышит 3 хлопка петард, попавших под колеса локомотива, предпринимает экстренное торможение. О значении взрывов петард знает машинист, но не пассажиры поезда. *Общие* знаки известны и понятны всем членам общества – это, например, средства измерения, картины, условия игры. И главными из них являются слова языка и языковые выражения. Чрезвычайное важное место в характеристика языка имеет определение языка как системы знаков и понимание природы языкового знака. Фердинанд де Соссюр дает следующее определение знака: «*Мы называем знаком соединение понятия и акустического образа*». Акустический образ, по Соссюру, не является чем-то чисто физическим, но является «психическим отпечатком звука», т. е. представлением, которое мы о нем получаем посредством наших органов чувств. Поскольку знаком у Соссюра является комбинация понятия и акустического образа, то языковой знак двусторонен. А так как обе стороны знака психического свойства (понятие и представление о звуке), то и языковой знак психичен. Раскрывая дальше положение о лингвистическом знаке, Соссюр утверждал, что «*языковой знак произволен*». Слово «произвольный», по мнению Фердинанда де Соссюра, не должно пониматься как «любой» в том смысле, что означающее зависит от свободного выбора говорящего субъекта. Наоборот, он доказывает, что индивид не может внести ни малейшего изменения в знак, уже установившийся в языковом коллективе. Произвольность, немотивированность знака проявляется в том, что «означающее» немотивированно, т. е. произвольно по отношению к означаемому, с которым у него нет в действительности никакой естественной связи. Кроме принципа произвольности знака, Фердинанд де Соссюр выдвигал также принцип *линейного характера* означающего. Это положение, как подчеркивает сам Соссюр, - является чрезвычайно важным, так как от этого принципа «зависит весь механизм языка». Ведь в противоположность зрительным (визуальным) означающим, таким как морские сигналы и т. п., которые могут состоять одновременно из комбинаций в нескольких измерениях, акустические означающие располагают лишь одной линией – линией времени. Их элементы следуют один за другим, образуя цепь. Естественно, ставится вопрос: если знаки произвольны, почему не наблюдается общей внезапной перемены в языке, состоящем из таких знаков? Соссюр указывает на 4 обстоятельства, препятствующих этой перемене: *произвольность знака* – самая произвольность знака защищает язык от попытки, направленной к его изменению: раз знаки произвольны, нельзя ставить вопрос, который из них более рационален; *множественность знаков*, используемых языком, затрудняет изменение знаков; *крайняя сложность языковой системы*; «сложен механизм этой системы, и внесение изменений соответственно затруднено; если и разбираются в этом механизме, то только специалисты, и только они могут наметить определенные изменения, но, насколько нам известно, такого рода попытки успеха не имели», замечает Соссюр; *сопротивление коллективной косности всякому новшеству в языке*; в каждый данный момент язык есть дело всех и каждого. В этом отношении его никак нельзя сравнить с другими общественными установлениями. Предписания закона, ритуалы, морские сигналы и т. д. касаются одновременно лишь ограниченного количества лиц, и то в продолжение определенного срока; напротив, в языке каждый принимает участие ежеминутно, почему язык и испытывает постоянное

6. ПРОБЛЕМА ПРОИСХОЖДЕНИЯ ЯЗЫКА. ОСНОВНЫЕ ТЕОРИИ (ТОЧКА ЗРЕНИЯ)

Все имеющиеся гипотезы о происхождении языка умозрительны. Они основываются на одном из 3 постулатов: либо язык получен от высших сил, либо древние люди вели себя так, как вели бы себя наши современники, если бы почему-то не имели языка, либо язык возник у человечества таким же образом, каким он появляется у каждого отдельного человека. Древнейшие представления о происхождении языка, так или иначе, основаны на идее получения людьми языка от каких-то высших сил. Во всех религиозных концепциях язык, по крайней мере в главных своих чертах, неизменен и появляется сразу таким, каким он существует сейчас. Религиозные концепции происхождения языка отражают при всей их наивности один реальный факт: человеческий язык – особый дар, и в природе ничего сходного нет. «Языки» животных слишком непохожи на него. Первые сомнения в божественном происхождении языка (как и в божественном устройстве мира вообще) появились в античном мире. Тогда же и были высказаны многие концепции происхождения языка. В XVII – XVIII вв. стали возрождаться античные концепции. Творение языка уже рассматривалось как дело человеческое. К XVIII в. окончательно стало ясно, что языки меняются, что не все языки мира существуют изначально, что одни языки произошли от других. Самыми популярными были 3 концепции. 1^я из них – звукоподражательная. Язык возник из подражания звукам природы. Аргументом в пользу этой идеи считается наличие едва ли не в любом языке звукоподражательной лексики вроде русских *кукушка, хрюкать, гавкать* и т. д. Однако звукоподражательная теория вызвала сомнения уже в античности. Как из звукоподражаний можно получить другую, бóльшую часть слов, неясно. Другая концепция получила название концепции «общественного договора». Одним из первых ее выдвинул греческий ученый I в. до н. э. Диодор Сицилийский. Римский ученый I в. до н. э. Витрувий в своем знаменитом трактате «10 книг об архитектуре» писал, что язык появился тогда, когда люди собрались возле порожденного молнией огня: *«Так как на этом сборище людей раздавались различные, производимые дыханием голоса, то под воздействием ежедневного навыка люди установили слова, какие пришлось, и затем, обозначив часто употребляемые вещи, начали, как это получилось самопроизвольно, говорить и так создали между собой речь»*. В XVIII в. аналогичные идеи выдвинул знаменитый французский философ Жан-Жак Руссо, которому принадлежит и само выражение «общественный договор». Поддержал эту концепцию в том же XVIII в. основатель политической экономии англичанин Адам Смит. Руссо и Смит считали, что первобытные люди когда-то договорились между собой о том, как пользоваться языком. Язык был изобретен сознательно, а затем люди объединили свои усилия, и сложились единые правила пользования им. Авторы таких идей ориентировались прежде всего на то, как в современную им эпоху решался вопрос о норме языка. Ученые и целые учреждения вроде Французской академии тогда спорили и договаривались о том, что включать в норму «правильного» литературного языка, а что нет; находили компромиссы. Тогда предпринимались и первые попытки создать от начала и до конца целый язык, который мог бы стать международным (позже так появился язык эсперанто). Однако ясно, что все это возможно, лишь если человек уже владеет каким-то языком. Концепция «общественного договора» ставила человека, уже обладающего достаточно высокой культурой, на место человека, который языка не имел. 3^я концепция, столь же умозрительная, но, пожалуй, наименее фантастическая, состоит в том, что человеческий язык произошел не от звуков, воспринимаемых извне, а от звуков, произносимых самими людьми. Любой человек может производить бессознательные и нечленораздельные выкрики, выражающие те или иные эмоции. Некоторые элементы языка вроде междометий похожи на нечто промежуточное между такими выкриками и речью. Эта концепция тоже зародилась в античности. Позже эту концепцию развили английский философ конца XVII в. Джон Локк и французский ученый XVIII в. Этьен Бонно де Кондильяк. По их мнению, люди вначале издавали лишь бессознательные звуки, а затем постепенно научились контролировать их произнесение. Параллельно с контролем над языком развивался и контроль над умственными операциями. Большое место отводилось языку жестов. Считалось, что первобытные люди лишь дополняли звуками жестикуляцию, а затем постепенно перешли на звуковую речь. Идеи Локка и де Кондильяка были важнейшим шагом вперед по сравнению с концепцией «общественного договора»: формирование языка теперь связывалось с развитием человеческого мышления. Становление языка рассматривалось не как единовременный акт, а как исторический процесс, занимавший длительное время и имевший этапы. Тем самым эта концепция была в наибольшей степени противопоставлена традиционной библейской. Однако и новая точка зрения не подтверждалась никакими фактами. В XVIII и в 1^й половине XIX в. был предложен новый критерий, казавшийся объективным: среди человеческих языков есть более развитые и более «примитивные», стоящие ближе к первобытному языку. В качестве критерия развитости выдвигалась степень морфологической сложности. Эти идеи развивал Вильгельм фон Гумбольдт. Со второй половины XIX в. наступило всеобщее разочарование в попытках решить проблему происхождения языка.

7. ЛОГОСИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ ПРОИСХОЖДЕНИЯ ЯЗЫКА

Все имеющиеся гипотезы о происхождении языка умозрительны. Они основываются на одном из 3 постулатов: либо язык получен от высших сил, либо древние люди вели себя так, как вели бы себя наши современники, если бы почему-то не имели языка, либо язык возник у человечества таким же образом, каким он появляется у каждого отдельного человека. Древнейшие представления о происхождении языка, так или иначе, основаны на идее получения людьми языка от каких-то высших сил. Во всех религиозных концепциях язык, по крайней мере в главных своих чертах, неизменен и появляется сразу таким, каким он существует сейчас. Религиозные концепции происхождения языка отражают при всей их наивности один реальный факт: человеческий язык – особый дар, и в природе ничего сходного нет. «Языки» животных слишком непохожи на него. Первые сомнения в божественном происхождении языка (как и в божественном устройстве мира вообще) появились в античном мире. Тогда же и были высказаны многие концепции происхождения языка. В XVII – XVIII вв. стали возрождаться античные концепции. Творение языка уже рассматривалось как дело человеческое. К XVIII в. окончательно стало ясно, что языки меняются, что не все языки мира существуют изначально, что одни языки произошли от других. Одна из концепций состоит в том, что человеческий язык произошел не от звуков, воспринимаемых извне, а от звуков, произносимых самими людьми. Любой человек может производить бессознательные и нечленораздельные выкрики, выражающие те или иные эмоции. Некоторые элементы языка вроде междометий похожи на нечто промежуточное между такими выкриками и речью. Эта концепция тоже зародилась в античности. Позже эту концепцию развили английский философ конца XVII в. Джон Локк и французский ученый XVIII в. Этьен Бонно де Кондильяк. По их мнению, люди вначале издавали лишь бессознательные звуки, а затем постепенно научились контролировать их произнесение. Параллельно с контролем над языком развивался и контроль над умственными операциями. Большое место отводилось языку жестов. Считалось, что первобытные люди лишь дополняли звуками жестикуляцию, а затем постепенно перешли на звуковую речь. Идеи Локка и де Кондильяка были важнейшим шагом вперед по сравнению с концепцией «общественного договора»: формирование языка теперь связывалось с развитием человеческого мышления. Становление языка рассматривалось не как единовременный акт, а как исторический процесс, занимавший длительное время и имевший этапы. Тем самым эта концепция была в наибольшей степени противопоставлена традиционной библейской. Однако и новая точка зрения не подтверждалась никакими фактами. В XVIII и в 1^й половине XIX в. был предложен новый критерий, казавшийся объективным: среди человеческих языков есть более развитые и более «примитивные», стоящие ближе к первобытному языку. В качестве критерия развитости выдвигалась степень морфологической сложности. Эти идеи развивал Вильгельм фон Гумбольдт. Со второй половины XIX в. наступило всеобщее разочарование в попытках решить проблему

8. ДОКТРИНА «ОБЩЕСТВЕННЫЙ ДОГОВОР»

Концепцию «общественного договора» одним из первых выдвинул греческий ученый I в. до н. э. Диодор Сицилийский. Римский ученый I в. до н. э. Витрувий в своем знаменитом трактате *«10 книг об архитектуре»* писал, что язык появился тогда, когда люди собрались возле порожденного молнией огня: *«Так как на этом сборище людей раздавались различные, производимые дыханием голоса, то под воздействием ежедневного навыка люди установили слова, какие пришлось, и затем, обозначив часто употребляемые вещи, начали, как это получилось самопроизвольно, говорить и так создали между собой речь»*. В XVIII в. аналогичные идеи выдвинул знаменитый французский философ Жан-Жак Руссо, которому принадлежит и само выражение «общественный договор». Поддержал эту концепцию в том же XVIII в. основатель политической экономии англичанин Адам Смит. Руссо и Смит считали, что первобытные люди когда-то договорились между собой о том, как пользоваться языком. Язык был изобретен сознательно, а затем люди объединили свои усилия, и сложились единые правила пользования им. Авторы таких идей ориентировались прежде всего на то, как в современную им эпоху решался вопрос о норме языка. Ученые и целые учреждения вроде Французской академии тогда спорили и договаривались о том, что включать в норму «правильного» литературного языка, а что нет; находили компромиссы. Тогда предпринимались и первые попытки создать от начала и до конца целый язык, который мог бы стать международным (позже так появился язык эсперанто). Однако ясно, что все это возможно, лишь если человек уже владеет каким-то языком. Концепция «общественного договора» ставила человека, уже обладающего достаточно высокой культурой, на место человека, который языка не имел.

9. ПУТИ СОЗДАНИЯ НОВЫХ ЯЗЫКОВ (ТЕОРИИ Ф. БЭКОНА И Г. ЛЕЙБНИЦА)

Фрэнсис Бэкон (1561 – 1626) в основу своей концепции философской грамматики положил разработанные в его трудах принципы индуктивного, эмпирического метода познания. Бэкон выступил с идеей создания своеобразной сравнительной грамматики всех возможных языковых образований, в которой нашли бы свое отражение достоинства и недостатки всех языков, дабы сделать возможной выработку на этой базе путем межъязыкового соглашения некоего общего и единого для человечества языка, который впитал бы в себя преимущества всех языков и, таким образом, явился бы идеальным вместилищем людских мыслей и чувств. По существу, у Бэкона речь шла о создании на базе наиболее распространенных европейских языков своего рода эсперанто, который мог бы выступить в роли совершенного средства общения. Эти соображения Бэкон излагает в работе «*О достоинствах и усовершенствовании наук*», вышедшей в 1623 г. Бэкон выдвинул положение о том, что наряду с естественным языком в человеческом обществе имеются средства, обладающие свойствами, позволяющими использовать их в функциях, которые выполняет естественный язык. В качестве таковых может выступать все то, что воспринимается органами чувств и наделено достаточным набором дифференциальных признаков для различения и выражения всего многообразия понятий. Свою мысль Бэкон иллюстрирует, между прочим, на примере монет. Он сравнивает слова с монетами, которые в принципе сохраняют свою основную функцию, независимо от металла, из которого они сделаны, что подчеркивает условный характер знака. У *Готфрида Вильгельма Лейбница* (1646 – 1716) лингвистические интересы развиваются в нескольких направлениях. Лейбниц обратился к исследованию языка в связи с поисками общего научного метода, который давал бы возможность постичь существо мышления и служил бы средством научного открытия. В этой связи он критикует формальную логику, являющуюся в его представлении лишь средством доказательства, и говорит о необходимости создания новой логики, которая могла бы стать «искусством научного открытия». Логика, по его замыслу, должна стать «инструментом исчисления». Идея Лейбница о создании универсального символического языка, иначе – философского языка, возникает в связи с его попыткой создания инструмента универсального логического исчисления. Лейбниц требовал от искусственного языка максимальной близости к логико-философским и математическим построениям. Он мечтал о языке как «орудии разума». Слова должны были не только передавать идеи, но и делать наглядным их соотношение. В качестве материальной стороны языка Лейбниц предлагал взять «наиболее естественные символы», которые были бы кратки и удобны в употреблении, чтобы легко было обозревать сложные формулы. Они должны были делать возможным вывод понятия из начертания языка, поэтому Лейбниц положительно относился к использованию иероглифики. Лейбниц предложил проект формализованного языка, который можно было бы употреблять и в письменной, и в устной форме. Выглядел бы он следующим образом:

- 9 последовательных значащих цифр должны соответствовать первым 9 согласным латинского алфавита: $1 = b, 2 = c, 3 = d, 4 = f, 5 = g, 6 = h, 7 = l, 8 = m, 9 = n$;
- десятичные разряды соответствуют 5 гласным: $10 = a, 100 = e, 1000 = i, 10000 = o, 100000 = u$.

Единицы более высоких разрядов можно обозначать двугласными сочетаниями, например, $1000000 = au$. Идеи Лейбница дали толчок развитию символической логики, а впоследствии оказались полезными в математической логике и кибернетике. При конструировании систем искусственных языков главная цель указанных выше проектов состояла в попытке создать некоторую логически объединенную систему символов.

10. АКТЫ ОБЩЕНИЯ И ИХ ЯЗЫКОВАЯ СУЩНОСТЬ

Одно из назначений языка – *служить общению людей*. Если соберутся несколько человек и начнут общаться, то между ними сразу появится «невидимка» - язык. Он объединяет людей, дарит им возможность взаимопонимания. Когда говорят об этой важной функции языка – быть средством общения, на первый план выдвигается обозначающее, т. е. то, что мы непосредственно воспринимаем. Оно делает речевое намерение явным, доступным для других. Но важен и весь знак целиком, вместе с обозначаемым, явным ведь делается определенный смысл. Языковедение как часть филологии изучает языки, обращаясь к истории их функционирования в различных типах обществ, существовавших на разных этапах становления цивилизации. Каждый такой этап характеризуется, в частности, особым видом языка, обслуживающим общество. Язык – прежде всего средство общения. Общение наше, однако, происходит в разных местах, в разное время и с разными собеседниками. Легко заметить, что в зависимости от ситуации мы используем по-разному возможности языка. Использование языка зависит главным образом от *ситуации общения*, от его конкретных условий. Даже речь про себя тоже общение. Человек как бы одновременно исполняет 2 роли: партнера, который говорит, и партнера, который отвечает. Особенно важна цель коммуникации, т. е. то, для чего мы собираемся общаться: чтобы сообщить что-то, попросить о чем-нибудь или просто провести время. За некоторыми целями общения в языке закреплены особые формы выражения. Например, приказы, распоряжения, просьбы обычно выражают с помощью повелительного наклонения. Цель коммуникации определяет и подбор слов, и интонацию. Мы можем разговаривать друг с другом, а можем писать друг другу письма. Это 2 формы коммуникации (общения) – *письменная* и *устная*. Ученые заметили, что устная речь очень отличается от письменной. В разговоре многие слова мы можем опустить, заменить их жестами, выразить свои мысли и чувства с помощью интонации. Наша речь во многом зависит от того, с кем мы общаемся, каковы отношения между собеседниками: дружеские, родственные, нейтральные, официальные. Вряд ли к незнакомому человеку старше нас по возрасту мы обратимся на «ты» или скажем ему: *Здорово! Привет!* Такое поведение не соответствует условиям общения, оно нарушает принятые нормы речевого этикета. Это еще один очень важный параметр ситуации – характер отношений между партнерами коммуникации. Имеют значения также время и место коммуникации. Жизнь человека распадается на будни и праздники, на работу и отдых: *«Делу – время, потехе – час»*. Каждый из этих временных отрезков тесно связан с определенными событиями и возможными типами бесед. Конечно, речь во многом зависит от темы общения. Серьезный разговор на важную для собеседников тему вряд ли будет вестись с шутливыми интонациями. И наоборот, во время непринужденной беседы на легкомысленные темы вполне уместно раскованное речевое поведение, шутка и игра. Таким образом, ситуация общения влияет на то, как мы говорим. Если даже один из параметров ситуации (партнеры, цель, форма общения – письменная или устная, время и место общения) изменится, речевые средства будут использоваться по-другому. Совершенно особый тип коммуникации – публичная коммуникация. Публичная речь имеет свои особенности: она более строгая, официальная. Язык предоставляет нам все возможности, чтобы в любой ситуации полно и точно выразить свои мысли. Нужно только уметь этими возможностями пользоваться.

11. ПРОБЛЕМА ЯЗЫКОВОЙ НОМЕНКЛАТУРЫ. ЯЗЫКИ РОДНЫЕ И НЕРОДНЫЕ

Естественных языков много. Их, по разным подсчетам, насчитывается несколько тысяч. Поскольку язык служит средством общения, то границей, разделяющей разные языки, является понимание высказываний на одном определенном языке. Языки не существуют сами по себе, на них говорят люди, а люди живут в обществе. Язык может как объединять, так и разъединять людей, становиться источником конфликтов и войн. Прежде всего по владению языком люди определяют, *наш* или *не наш* человек, а это иногда очень острый вопрос. Язык, который человек усваивает в раннем детстве, называют *материнским*, или *родным*. Обычно бывает один родной язык. Но есть люди, у которых родных языков 2 или даже больше. Родной язык осваивается лишь в раннем детстве, не позже, чем в 3 – 4 года. Только в этом возрасте при овладении языком используются оба полушария мозга. Позже освоить язык значительно труднее, потому что в обучении участвует только левое полушарие. За фонетику и грамматику отвечает именно оно, поэтому научиться говорить на чужом языке без акцента и без грамматических ошибок можно в любом возрасте. Но языковыми значениями ведает прежде всего правое полушарие. Поэтому поздно выученный язык будет обеднён с точки зрения богатства значений. Если даже человеку придется в дальнейшем пользоваться лишь неродным языком, влияние родного все равно будет как-то сказываться. Что такое родной язык, вроде бы ясно всем. Разве каждый человек не определяет для себя безо всяких колебаний, какой язык для него родной? Проблем нет, когда родной язык совпадает с этнической (национальной) принадлежностью. Обычно так и бывает, но не всегда. Вспомним свидетельство Вильгельма Кюхельбекера, «однокашника» и друга Пушкина: «*Я по отцу и матери немец, но не по языку: до 6 лет я не знал ни слова по-немецки; природный мой язык – русский*». Говорить всегда и везде на материнском языке – естественная потребность человека, ее можно назвать *потребностью идентичности*. Причины ее очевидны. Неродные языки всегда выучиваются с бóльшим трудом, чем родные, а это создает неравенство. В то же время для многих людей родной язык является и языком своего народа. Поэтому необходимость учить чужой язык часто ущемляет национальные чувства, вызывает ощущение социальной неполноценности. Одновременно чужой язык может считаться более престижным или открывать путь к карьере. Отождествление и разграничение родных и неродных языков хорошо видно у отдельного человека, но в социальном масштабе, когда приходится определять языковое поведение не одного, а многих людей, это задача непростая. Ее решением занимаются 3 научные дисциплины. *Лингвогеография* картографирует языковое поведение людей на определенной территории, большой или малой. *Геолингвистика* изучает язык в одной конкретной точке географического пространства (например, языки, представленные в Москве). *Социолингвистика* выявляет социальные различия в языковом поведении людей и социальные типы речевого общения. Итоговые наблюдения этих 3 наук, взятые вместе, позволяют идентифицировать и разделять языки.

12. БИЛИНГВИЗМ КАК СОЦИАЛЬНАЯ И ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

Как правило, каждому этносу (нации, народности, племени) присущ свой особый язык. Само понятие народа, этноса подразумевает общность языка. Тем не менее обязательного однозначного соответствия между языком и этносом нет. На одном и том же языке могут говорить разные народы: англичане, живущие в Британии, и американцы, населяющие США. Встречается и обратная ситуация: один народ пользуется 2, а то и 3 языками. Это случаи *мультилингвизма* (многоязычия) или *билингвизма* (двужычия). Население Земли можно условно разделить на *однойзычное* и *многоязычное*. Однако дело не в простом знании языков: люди, добровольно овладевшие иностранными языками, могут считаться однойзычными. Строго говоря, люди многоязычны, если их знание чужого языка вынужденно, продиктовано социальными причинами. Конечно, добровольность – вещь довольно относительная. Нельзя сказать, что дети учат в школе иностранные языки по доброй воле: этот предмет входит в обязательную школьную программу. Иногда человеку трудно дается иностранный язык (около 10% людей почти неспособны усваивать чужие языки, причем этот недостаток никак не влияет на другие умственные способности). Тогда возможны неприятные ситуации вроде провала на экзамене, будет закрыт доступ к некоторым профессиям (например, переводчика или дипломата), но, не зная ни одного иностранного языка, можно все же полноценно жить в обществе. Однако для сотен миллионов людей двуязычие именно вынужденное. Русско-английское двуязычие добровольно, пока носитель русского языка, освоивший английский, живет в России. Если же ему вздумается переехать на постоянное жительство в США, его двуязычие уже окажется вынужденным. В этой стране нельзя жить сколько-нибудь полноценно, плохо зная английский язык. Вынужденное двуязычие касается не только переселенцев, но и большинства национальных меньшинств. Всем ясно, как важно в нашей стране человеку любой национальности свободно владеть русским языком. Так было и в царской России, и в бывшем СССР, но ничего не изменилось и в современной России. Какой бы ни была государственная политика, сама жизнь требует учить русский язык. Ситуация может стать другой, лишь если изменятся государственные границы: сейчас в Литве, Латвии и Эстонии нерусские дети уже не говорят по-русски – необходимость в этом исчезла. Из случаев многоязычия чаще встречается двуязычие, хотя есть целые народы, которым приходилось или приходится знать более 2 языков. В бывшем СССР это происходило с национальными меньшинствами вне РФ. Абхазы должны были знать совершенно не похожие друг на друга абхазский, грузинский и русский языки, гагаузы – гагаузский, молдавский и русский и т. д. Конечно, таким народам в языковом отношении тяжело все же.

13. ОСНОВНЫЕ СПОСОБЫ КЛАССИФИКАЦИИ ЯЗЫКОВ

Как правило, каждому этносу (нации, народности, племени) присущ свой особый язык. Само понятие народа, этноса подразумевает общность языка. Тем не менее обязательного однозначного соответствия между языком и этносом нет. На одном и том же языке могут говорить разные народы: англичане, живущие в Британии, и американцы, населяющие США. Встречается и обратная ситуация: один народ пользуется 2, а то и 3 языками. Это случаи *мультилингвизма* (многоязычия) или *билингвизма* (двужычия). Лингвисты классифицируют языки, причем по самым разным признакам. Например, можно делить языки по числу людей, говорящих на них. Можно предложить классификацию языков по их общественной функции: используются ли язык в качестве государственного, официального, или нет. Такие классификации нужны в первую очередь социолингвистам. Другим ученым важно деление языков, учитывающее их внутренние, собственно языковые особенности: например, на консонантные и вокалические (в зависимости от того, каких фонем больше – согласных или гласных). Можно разделить языки на имеющие падежи и не имеющие их. Пожалуй, чаще всего лингвисты говорят о классификации *генетической*, или *генеалогической*. Она опирается на понятие языкового родства, т. е. общего происхождения языков. Родственные языки называются так потому, что имеют общего предка, т. е. являются историческими продолжениями некоего праязыка, который однажды по каким-то причинам разделился на несколько самостоятельных ветвей. Лингвисты выработали целую серию специальных терминов для описания соотношения языков. Самые мелкие единицы в лингвистической иерархии – отдельные территориальные *говоры*, которые могут быть распространены на небольшой площади, иной раз охватывая всего лишь несколько небольших населенных пунктов, а то и одно село. Мелкие говоры объединяются в *диалекты*, а далее в *диалектные группы*. В русской диалектологической традиции крупные группы диалектов принято называть *наречиями*. Следующая ступень в иерархии – *язык*. Эта важнейшая единица лингвистики также не имеет четкого определения. Случается, что разные языки отличаются друг от друга меньше, чем диалекты одного языка. Родственные языки объединяются в языковую *семью*, причем семья может состоять из более или менее обособленных языковых *ветвей* и *групп*. Объединения более крупные, чем семья, называют *макросемьями*. Русский язык принадлежит к славянской группе языков индоевропейской семьи. Славянские языки могут считаться самой молодой группой среди индоевропейских языков.

14. ПРЕДЛОЖЕНИЕ И ВЫСКАЗЫВАНИЕ. ФОРМЫ МЫСЛИ В РЕЧИ.

Предложение – это единица языка, которая служит для выражения мысли. Обычно предложение строится так: спрягаемая форма глагола и слова, грамматически с ней связанные. Центром является глагол. Определение предложения как некоторой синтаксической структуры перестало удовлетворять ученых из-за своей узости. Как следствие появился новый термин – *высказывание*. Из-за этого возникла большая путаница: ведь в обиходном языке слова *предложение*, *высказывание* и *фраза* – синонимы. Слово *фраза* тоже используется как термин, прежде всего в фонетике, но мы о нем говорить не будем. А вот *предложение* и *высказывание*... Некоторые лингвисты не различают понятия «предложение» и «высказывание». Одни ученые, употребляя термин «высказывание», имеют в виду интонационную единицу. Другие говорят, что предложение – это единица языка, а высказывание – единица речи (В. А. Звегинцев в этом смысле использует термины «*псевдопредложение*» и «*предложение*»). Для третьих важнее отметить погруженность высказывания в ситуацию. Для четвертых интересно то, что высказывание соотносится с речевыми намерениями говорящего (пока говорящий не сказал всего, что собирался, высказывание не закончено, и тогда оно может состоять из нескольких предложений). И наконец, лингвистическое изучение художественных текстов позволяет расширить рамки понятия «*высказывание*» так, что, например, «*Война и мир*» тоже может считаться высказыванием. Главная черта высказывания, отличающая его от предложения, – это связь с контекстом, с ситуацией. И в этом сходится большинство современных лингвистов. При порождении высказывания говорящий использует слова из своего активного словаря и различные правила (грамматические, риторические, правила речевого этикета и т. д.). Речевой минимум высказывания (самое сжатое описание ситуации) определяется тем, как сам язык (устаами родителей, бабушек, дедушек и многих поколений предков) научил нас описывать то, что мы видим. В основе простейшего высказывания лежит структура простейшей ситуации: некто (нечто) совершает некое действие над кем-то (чем-то) с помощью некоторого инструмента с некоей целью когда-то по тем или иным причинам при тех или иных условиях. Например: *Вчера после ссоры высокий блондин в черных ботинках ради шутки уколол свою подругу зонтиком*. В описанный смысловой шаблон (представление о простейшей ситуации) укладывается и повествовательное предложение (*Собачка бежит*), и вопросительные (*Кто там бежит?*), и восклицательные (*Какая хорошая собачка!*). Простейшую ситуацию описывает простейшее высказывание. Ему соответствует определенная синтаксическая структура – *простое предложение*, причем не любое, а полное, не осложненное ни однородными членами, ни какими бы то ни было оборотами. Ведь даже самое, казалось бы, простенькое *Маша и Петя идут в магазин* – это соединение в одном предложении 2 «примитивов»: *Маша идет в магазин (вместе с Петей)* и *Петя идет в магазин (вместе с Машей)*. И именно на эту синтаксическую структуру накладываются усваиваемые нами буквально с пеленок интонации: законченного утвердительного высказывания, вопросительная, восклицательная. Внутри нее не нужны знаки препинания, за исключением тире между некоторыми видами подлежащего и сказуемого. Точка или иной знак, завершающий предложение, является сигналом его интонационной оформленности. По законам речевого этикета мы не имеем права прерывать собеседника, пока слышим незаконченные интонации. Наше мышление, по-видимому, устроено так, что любую, сколь угодно сложную ситуацию мы автоматически разбиваем на более простые – пока не дойдем до простейшей. Когда же мы строим предложения, то, наоборот, отталкиваемся от простейшей ситуации, дополняя ее необходимыми деталями. Если описываемая ситуация оказывается особенно сложной, говорящему приходится искусственно прерывать высказывание, интонационно оформляя его фрагменты как законченные. Итак, предложение – это стандартная языковая форма существования высказывания; высказывание – воплощенное в речи видение ситуации, а ситуация – выделенный нашим сознанием пласт реальных событий.

15. ЯЗЫК И ОБЩЕСТВЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ УКЛАД. НАРОД. РАСА

Последовавший за Возрождением исторический период явился для Европы эпохой крупных сдвигов и обновления в области материальной и духовной деятельности. Это эпоха крупных географических открытий, период подготовки и укрепления нового, капиталистического способа производства в странах Западной Европы. Это период становления наций и национального самосознания, период появления книгопечатания и распространения просвещения, период формирования положительных наук и новой философии. В этих условиях все более осознается необходимость единого и общего для всей нации языка – могучего инструмента накопления, хранения и создания новых знаний и норм в области производственной и социально-культурной деятельности общества. Лучшими умами этой эпохи – писателями, филологами, философами, математиками – проводится большая работа по утверждению национальных языков как полноправных и адекватных языков литературы, науки и философии, которые постепенно все более оттесняют латынь, много веков безраздельно господствовавшую в культурной жизни Европы. Еще Вильгельм фон Гумбольдт выдвинул идею о связи между языком и духовной природой человека. Разные языки отображают мир по-разному. В английском языке есть слово *wool*, которое обычно переводится на русский как *шерсть*, но это не всякая шерсть, а только овечья. По-русски овечью шерсть можно назвать словом *руно*, но оно слишком специальное или поэтическое. Напротив, животное, дающее шерсть, по-русски может быть названо (часто независимо от пола) и *бараном*, и *овцой*. Разница между этими 2 словами проявляется и в сочетаемости слов: *шерсть* всегда *овечья*, а *мясо* – только *баранье*, и в связанных со словами ассоциациях: *баран* – символ упрямства, *овца* – символ покорности. В английском языке есть, конечно, и пастушьи, и зоотехнические термины, но в обиходе и *барану*, и *овце* соответствует одно слово – *sheep*. По-русски есть одно слово *вода*, а по-японски ему соответствуют 2: вода комнатной температуры или близкая к замерзанию называется *мидзу*, а горячая вода – *ю*. Отправляясь от любого языка, можно делать заключение о национальном характере. Языки нецивилизованных и мало развившихся народов тоже несут в себе эти следы, что позволяет нередко наблюдать такую интеллектуальную самобытность, какой на этой докультурной ступени, казалось бы, нельзя было ожидать. Языки американских аборигенов богаты примерами такого рода – смелыми метафорами, верными, но неожиданными сближениями понятий, случаями, когда неодушевленные предметы благодаря глубокомысленному пониманию их существа, переработанного воображением, переводятся в разряд одушевленных и т. д.

16. ЯЗЫКИ ДРЕВНЕЙШИХ И ДРЕВНИХ ГОСУДАРСТВ. НОРМА И СТИЛЬ

Те или иные национальные границы, в которых развивается наука о языке, принято называть *лингвистическими традициями*.

Теснейшим образом это понятие связывается с конкретной разновидностью нормирования языков, с национальным характером развития лингвистических исследований в разных культурных ареалах. В истории цивилизации были созданы 3 важнейшие традиции – китайская, индийская и греко-латинская (средиземноморская). Они возникают примерно в одно время. *Китайская* грамматическая традиция формируется на основе иероглифической письменности. Поэтому впервые грамматические сочинения в Китае формулируют отдельно правила создания знаков письменной речи – иероглифов и правила чтения (произнесения) иероглифов, т.е. правила порождения письменной речи и правила порождения устной речи. Это объясняется тем, что в основу иероглифики положено представление о целом слого, а целый слог в китайском языке соотнесен с мельчайшим элементом смысла, поэтому иероглиф записывает слово через смысл. Композиция знаков для записи смысла слов может не зависеть от композиции знаков для записи звучащей речи. Однако определенная связь между записью смысла и записью звучания в китайской иероглифике все же существует. *Индийская* и *греко-латинская* грамматические традиции могут быть представлены в виде 2 ветвей более широкой традиции, которая строится на базе письменности, где в основании лежит звуко-буквенный алфавит. Базу звуко-буквенного алфавита составляет представление о звуке речи вне зависимости от его смысла. В этой традиции невозможно формировать правила порождения графических знаков в отрыве от правил порождения звуков. Именно поэтому в данной традиции соотнесение звука и графического знака таково, что звуки и графические знаки в ней рассматриваются как некая единая сущность. При этом могут иметь место 2 способа рассмотрения. Один заключается в том, что за основу нормирования берется графический знак, посредством которого формулируется правильное произношение. При другом способе за основу берется звучание, исходя из которого формируется правильный графический знак. Там, где движение идет от графического знака к звучанию, мы имеем дело с *индийской* традицией. Индийская традиция формулирует прежде всего систему графических знаков. Эта система далее рассматривается в правилах их комбинаций, и все это служит для того, чтобы обеспечить правильное «озвучивание» письменных (канонических) текстов. В *греко-латинской* традиции античного Средиземноморья, отличающейся многообразием как алфавитов, развившихся, по-видимому, из общего источника, так и культурных языков, проблема должна была ставиться совершенно иначе. Здесь важно движение от звучания к графическому знаку, т.е. сначала необходимо было установить, какие правила изменения и создания новых слов имеют место в плане звучания, а затем соотнести их с правилами порождения графических знаков. 3 описанные традиции, по-видимому, исчерпывают возможности самой проблемы формирования общих правил письменного языка. Если звук и смысл при создании письменного языка не соотнесены друг с другом, то можно изложить их отдельно, как это и сделали китайцы. Если они соединены (звуко-буквенное письмо), то можно двигаться либо от знака к звуку (санскритская грамматика Пáнини), либо от звука к письменному знаку (александрийская грамматика древнегреческого языка). Новая наука (наука в современном ее понимании) родилась в Европе. Лингвистика как научное образование также возникла в Европе. Но международный, глобальный характер науки, как таковой, делает ее способ рассуждений и исследования мировым достоянием. Поэтому применительно к лингвистике следует говорить не столько о национальных грамматических традициях, сколько о научных традициях, направлениях, школах, имеющих мировое значение, делает ее способ рассуждений и исследования мировым достоянием. Поэтому применительно к лингвистике следует говорить не столько о национальных грамматических традициях, сколько о научных традициях, направлениях, школах, имеющих мировое значение.

17. ЯЗЫКИ ФЕОДАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА

История Средних Веков являет собой процесс длительный и неоднородный. В нем обнаруживаются 3 этапа:

- этап становления феодализма, одновременно знаменовавший собою закатную фазу рабовладельческого мира;
- этап консолидации и расцвета феодального строя;
- этап заката феодализма, в котором, в свою очередь, выделяется период, получивший в европейской историографии наименование Возрождения (возрождения творческой мысли, сопровождавшегося живым интересом к иным культурам, и прежде всего к древним цивилизациям).

Применительно к Европе эти этапы датируются соответственно: **III – V вв.**, **VI – X вв.**, **XI – XVI вв.** Средние века вызвали к жизни новые «молодые» народы, окончательно разрушили схему старых мифологических концепций, создали и подготовили почву для последующего развития новых цивилизаций. Конечно, первые несколько веков, следовавших за падением Античности, - это время развития в первую очередь тех форм культуры, которые обеспечивали прочность нового общества. Естественно, что в этот период происходит процесс переоценки духовных ценностей древности. Средние века, рассматриваемые во всемирном масштабе, являют нам то, чего не знал античный мир – распространение мировых религий: буддизма в Восточной, Центральной и отчасти Средней Азии, ислама с Средней и Передней Азии и в Северной Африке, христианства в Европе и отчасти в Передней и Средней Азии. Буддизм и христианство зародились и получили свое развитие еще в древнем мире, но только в период Средневековья они превратились в религии мирового масштаба. С разрушением античных государственных объединений и переходом общества к новому экономическому, политическому, религиозному и нравственно-этическому состоянию, новое положение возникает не только в области культуры, но и в области языковой деятельности – как в общественно-языковой практике, так и в теории языка. Выделяются 2 ареала языков, а именно:

- ареал языков канонических и классических (все они – языки древних цивилизаций), осознанных и интерпретированных в общественно-языковой практике и теории языка как языки «правильные»;
- ареал языков «варварских», или «вульгарных» (все они – языки бесписьменные или новописьменные), осознанных в общественно-языковой практике и теории языка как языки «неправильные».

В целях более эффективного проникновения в новые общества соответствующего религиозного и нравственно-этического канона в орбиту новых культурно-религиозных и нравственно-этического канона в орбиту новых культурно-религиозных образований вовлекались и «неправильные» языки. Для целого ряда «неправильных» языков создается письменность, в результате чего возникают условия для осуществления переводов на них канонических текстов. Этот процесс идет медленно и неравномерно в различных ареалах, но он начинается уже в раннем Средневековье: в III – IV вв. канонические тексты «освоили» готский и коптский языки (коптский – позднейшая форма египетского языка), в V в. – армянский, а в VII – IX вв. – ирландский, древнеанглийский, древневерхненемецкий, старославянский (IX в.). Для распространения в обществе канонических текстов на «правильных» языках требуются большие усилия: во-первых, из-за стихийного развития канонического языка, во-вторых, из-за того, что язык канонических текстов не является родным для большинства людей, составляющих общество, а для тех членов общества, которые им пользуются, он является дополнительным, вторичным образованием.

18. ЯЗЫКИ В ЭПОХУ ОБРАЗОВАНИЯ НАЦИЙ. НАЦИОНАЛЬНЫЙ ЯЗЫК. ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЯЗЫК. ДИАЛЕКТЫ. ЖАРГОНЫ

Последовавший за Возрождением исторический период явился для Европы эпохой крупных сдвигов и обновления в области материальной и духовной деятельности. Это эпоха крупных географических открытий, период подготовки и укрепления нового, капиталистического способа производства в странах Западной Европы. Это период становления наций и национального самосознания, период появления книгопечатания и распространения просвещения, период формирования положительных наук и новой философии. В этих условиях все более осознается необходимость единого и общего для всей нации языка – могучего инструмента накопления, хранения и создания новых знаний и норм в области производственной и социально-культурной деятельности общества. Лучшими умами этой эпохи – писателями, филологами, философами, математиками – проводится большая работа по утверждению национальных языков как полноправных и адекватных языков литературы, науки и философии, которые постепенно все более оттесняют латынь, много веков безраздельно господствовавшую в культурной жизни Европы. Как правило, каждому этносу (нации, народности, племени) присущ свой особый язык. Само понятие народа, этноса подразумевает общность языка. Тем не менее обязательного однозначного соответствия между языком и этносом нет. На одном и том же языке могут говорить разные народы: англичане, живущие в Британии, и американцы, населяющие США. Встречается и обратная ситуация: один народ пользуется 2, а то и 3 языками. Это случаи *мультилингвизма* (многоязычия) или *билингвизма* (двужычия). Почти любая цивилизация объединяет несколько народов, говорящих на диалектах разных языков. Одно из средств объединения – единый язык культуры. Этому языку надо было специально учиться. Для кого-то он мог не очень отличаться от бытового: например, язык Корана вначале мало отличался от арабских диалектов. Однако персы, тюрки и другие принявшие мусульманскую культуру народы должны были учиться классическому арабскому языку. Норма языка культуры предполагала его вечность и неизменность (хотя реально малозаметные изменения все же происходили и в нем). Диалекты менялись значительно быстрее. Практически везде со временем язык культуры стал сильно отличаться от любого диалекта – а значит, ему надо было специально учиться. В древности и Средневековье существовал культурный разрыв между образованным меньшинством, которое всегда было двужычным, и остальным населением, в большинстве одноязычным и не владевшим грамотой. Такое положение стало меняться, когда начали складываться централизованные национальные государства с едиными рынками. Языки культуры постепенно сменялись литературными (стандартными) языками. Этот процесс происходил в разных странах в разное время. В Западной Европе он начался в эпоху Возрождения (XV – XVI вв.) и окончательно завершился в XVII – XVIII вв. В России он начался в Петровское время и закончился в 1^й половине XIX в. В повседневной жизни люди чаще всего общаются не литературным языком, а разговорным. У жителей разных регионов, даже внутри страны, существуют разновидности языка, которые называются *диалектами*. Почтительное отношение к литературному языку понятно и оправданно: тем самым осознается его культурная ценность и социальная значимость. Однако отношение к говорам как к речи «некультурной», «отсталой» несправедливо. Все диалекты с лингвистической точки зрения равноценны. Именно говоры лежат в основе любого литературного языка. Если бы не Москва стала столицей Российского государства, наш литературный язык был бы иным, так как сложился бы из других говорков. *Жаргон* – это особая форма языка. Люди одной профессии или одного круга общения нередко вырабатывают свой жаргон. В старину, например, был известен жаргон *офёней* (бродячих торговцев). В наше время в своеобразный жаргон превратился язык программистов. Таким образом, язык является многообразным явлением.

19. НАЦИОНАЛЬНЫЙ ЖАРГОН И ЕГО СТИЛИ

Жаргон – это особая форма языка. Люди одной профессии, одного круга общения или одной нации нередко вырабатывают свой жаргон. В старину, например, был известен жаргон *офёней* (бродячих торговцев). В наше время в своеобразный жаргон превратился язык программистов. Таким образом, язык является многообразным явлением. Жаргон есть и у национальных языков. Последовавший за Возрождением исторический период явился для Европы эпохой крупных сдвигов и обновления в области материальной и духовной деятельности. Это эпоха крупных географических открытий, период подготовки и укрепления нового, капиталистического способа производства в странах Западной Европы. Это период становления наций и национального самосознания, период появления книгопечатания и распространения просвещения, период формирования положительных наук и новой философии. В этих условиях все более осознается необходимость единого и общего для всей нации языка – могучего инструмента накопления, хранения и создания новых знаний и норм в области производственной и социально-культурной деятельности общества. Лучшими умами этой эпохи – писателями, филологами, философами, математиками – проводится большая работа по утверждению национальных языков как полноправных и адекватных языков литературы, науки и философии, которые постепенно все более оттесняют латынь, много веков безраздельно господствовавшую в культурной жизни Европы. Еще Вильгельм фон Гумбольдт выдвинул идею о связи между языком и духовной природой человека. Разные языки отображают мир по-разному. В английском языке есть слово *wool*, которое обычно переводится на русский как *шерсть*, но это не всякая шерсть, а только овечья. По-русски овечью шерсть можно назвать словом *руно*, но оно слишком специальное или поэтическое. Напротив, животное, дающее шерсть, по-русски может быть названо (часто независимо от пола) и *бараном*, и *овцой*. Разница между этими 2 словами проявляется и в сочетаемости слов: *шерсть* всегда *овечья*, а *мясо* – только *баранье*, и в связанных со словами ассоциациях: *баран* – символ упрямства, *овца* – символ покорности. В английском языке есть, конечно, и пастушьи, и зоотехнические термины, но в обиходе и *барану*, и *овце* соответствует одно слово – *sheep*. По-русски есть одно слово *вода*, а по-японски ему соответствуют 2: вода комнатной температуры или близкая к замерзанию называется *мидзу*, а горячая вода – *ю*. Отправляясь от любого языка, можно делать заключение о национальном характере. Языки нецивилизованных и мало развившихся народов тоже несут в себе эти следы, что позволяет нередко наблюдать такую интеллектуальную самобытность, какой на этой докультурной ступени, казалось бы, нельзя было ожидать. Языки американских аборигенов богаты примерами такого рода – смелыми метафорами, верными, но неожиданными сближениями понятий, случаями, когда неодушевленные предметы благодаря глубокомысленному пониманию их существа, переработанного воображением, переводятся в разряд одушевленных и т. д.

20. МЕЖНАЦИОНАЛЬНОЕ ОБЩЕНИЕ И СОВРЕМЕННЫЕ ЯЗЫКОВЫЕ СОЮЗЫ

Иногда народы стихийно вырабатывают особый, более простой вариант своего языка для общения на нем с иноплеменниками. Со временем именно этот вариант может стать главным и даже вытеснить исконный язык. В результате целая группа географически близких и тесно контактирующих языков иногда приобретает общие свойства. В таких случаях говорят о языковом союзе. *Языковые союзы* – это языковые объединения, образовавшиеся в результате взаимовлияния сосуществующих в течение длительного периода языков. Разработка теории языковых союзов явилась одним из основных достижений неолингвистического направления. Дальнейшее развитие эта теория получила в работах представителей Пражской школы структуралистов, и в первую очередь в трудах *Романа Якобсона* и *Николая Трубецкого*. Последний выделил несколько языковых союзов. Один из них – балканский, в который входят румынский, болгарский, албанский и современный греческий языки. Этот союз считается классическим. Другой, более обширный и одновременно менее ясный по своим признакам союз, выделенный Трубецким, – евразийский. Он включает восточнославянские языки, с одной стороны, и алтайские и финно-угорские – с другой. Большой интерес в плане изучения проблем смешения языков, образования языковых союзов и применения критериев пространственной лингвистики к решению проблем сравнительно-исторического языкознания представляют работы *Витторе Пизани*. Пизани утверждает, что различные языковые ветви: германская, славянская, балтийская, кельтская и т. д. – не являются независимыми и монолитными группами, возникшими благодаря расщеплению столь же монолитного индоевропейского праязыка, а представляют собой результат распространения из одного или нескольких центров отдельных явлений, проникших в языки, на которых говорило население данной области. Отстаивая и развивая идею языкового союза, Пизани подчеркивает, что эти языки могли быть как индоевропейскими, так и неиндоевропейскими. Таким образом, он категорически отрицает гипотезу о реальном существовании индоевропейского языка-основы. Речь может идти, считает Пизани, о непрерывном процессе схождения и расхождения явлений. Исходя из этого, и об индоевропейских языках, по его мнению, можно говорить, только имея в виду элементы диалектов, образующих индоевропейское единство. Вхождение в языковой союз всегда основано на сходстве культур. И если их носители потеряли связь друг с другом, языковой союз перестает существовать, чего не может случиться с языковой семьей.

21. ПОНЯТИЕ ЯЗЫКОВОГО УРОВНЯ. ИЕРАРХИЯ ЯЗЫКОВЫХ УРОВНЕЙ И ИХ ОСНОВНЫЕ ЕДИНИЦЫ

Современное языкознание исходит из того, что всем языкам присуще нечто общее и вместе с тем каждому языку свойственно особенное, что и создает его индивидуальную специфику. Самым общим свойством всех языков, рассматриваемым в языкознании, выступает членораздельность. *Членораздельность* понимается, применительно к современным лингвистическим идеям, как способность языка обнаружить такое строение, в котором можно выделять дискретные части: уровни и единицы. Во всех языках, по-видимому, существует, в принципе, одинаковая способность выделять одни и те же уровни и единицы уровней. Рассматриваемое как одно из универсальных характеристик естественного человеческого языка, это свойство входит в сферу исследования лингвистической универсологии. В строении же уровней и единиц, способе их связи обнаруживается специфика конкретных языков, их особенные свойства, что составляет область типологии языка и индивидуального лингвистического описания. Английские ученые много занимаются такими вопросами лингвистического анализа. По мнению лондонцев, нельзя априорно установить определенное число уровней анализа – оно может варьироваться. Согласно концепции Лондонской школы, лингвист должен разложить на составляющие компоненты ту целостную модель поведения, которая называется речью, и применить специальные методы для описания и классификации так называемых элементов речи, которые отождествляются посредством анализа. Этот вид анализа затем сопоставляется с результатами, достигнутыми на различных уровнях, и таким путем приходит к достоверному, так сказать, описанию данного языка. Как правило, уровневый анализ в Лондонской школе приводится таким образом: удостоверившись в реальности данных на социологическом уровне, переходят к разложению этих данных на семантические, грамматические, лексические, фонологические и фонетические компоненты. Вопрос об отношениях между уровнями всегда включает в себя, наряду с вопросом о «направлении», или логическом движении внутри иерархии, и вопрос о положении «крайних точек» и «центра» иерархии. По первому вопросу нет единства мнений. По второму вопросу целый ряд лингвистов выдвигает мнение о том, что грамматика – центральная часть лингвистического анализа, фонетика – его основа, фонология – мост между ними, семантика – конечная часть. Одним из главных уровней уровневого анализа выступает согласование, или непротиворечивость, данных: констатация фактов на одном уровне должна быть представлена по возможности в таком виде, чтобы облегчить и упростить подачу материала на другом уровне. Например, при возможности различной интерпретации материала на фонологическом уровне следует предпочесть ту, которая упрощает описание на уровне грамматики. Лингвист с самого начала должен предусмотреть тот наиболее рациональный способ изложения, или классификации, при котором выбор единиц описания отвечал бы принципам компактности, экономности, простоты и т. д. сразу на нескольких уровнях исследования.

22. ПРОБЛЕМА ПРОИЗВОЛЬНОСТИ И МОТИВИРОВАННОСТИ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ЗНАКА

Чрезвычайно важное место в характеристика языка имеет определение языка как системы знаков и понимание природы языкового знака. Фердинанд де Соссюр дает следующее определение знака: «*Мы называем знаком соединение понятия и акустического образа*». Акустический образ, по Соссюру, не является чем-то чисто физическим, но является «психическим отпечатком звука», т. е. представлением, которое мы о нем получаем посредством наших органов чувств. Поскольку знаком у Соссюра является комбинация понятия и акустического образа, то языковой знак двусторонен. А так как обе стороны знака психического свойства (понятие и представление о звуке), то и языковой знак психичен. Раскрывая дальше положение о лингвистическом знаке, Соссюр утверждал, что «*языковой знак произволен*». Слово «произвольный», по мнению Фердинанда де Соссюра, не должно пониматься как «любой» в том смысле, что означающее зависит от свободного выбора говорящего субъекта. Наоборот, он доказывает, что индивид не может внести ни малейшего изменения в знак, уже установившийся в языковом коллективе. Произвольность, немотивированность знака проявляется в том, что «означающее» немотивированно, т. е. произвольно по отношению к означаемому, с которым у него нет в действительности никакой естественной связи. Кроме принципа произвольности знака, Фердинанд де Соссюр выдвигал также принцип *линейного характера* означающего. Это положение, как подчеркивает сам Соссюр, - является чрезвычайно важным, так как от этого принципа «зависит весь механизм языка». Ведь в противоположность зрительным (визуальным) означающим, таким как морские сигналы и т. п., которые могут состоять одновременно из комбинаций в нескольких измерениях, акустические означающие располагают лишь одной линией – линией времени. Их элементы следуют один за другим, образуя цепь. Естественно, ставится вопрос: если знаки произвольны, почему не наблюдается общей внезапной перемены в языке, состоящем из таких знаков? Соссюр указывает на четыре обстоятельства, препятствующих этой перемене:

- *Произвольность знака* – самая произвольность знака защищает язык от попытки, направленной к его изменению: раз знаки произвольны, нельзя ставить вопрос, который из них более рационален.
- *Множественность знаков*, используемых языком, затрудняет изменение знаков.
- *Крайняя сложность языковой системы*; «сложен механизм этой системы, и внесение изменений соответственно затруднено; если и разбираются в этом механизме, то только специалисты, и только они могут наметить определенные изменения, но, насколько нам известно, такого рода попытки успеха не имели», замечает Соссюр.
- *Сопротивление коллективной косности всякому новшеству в языке*; в каждый данный момент язык есть дело всех и каждого. В этом отношении его никак нельзя сравнить с другими общественными установлениями. Предписания закона, обряды религии (ритуалы), морские сигналы и т. д. касаются одновременно лишь ограниченного количества лиц, и то в продолжение определенного срока; напротив, в языке каждый принимает участие ежеминутно, почему язык и испытывает постоянное влияние всех. Одного этого основного факта достаточно, чтобы показать невозможность в нем внезапного переворота.

23. ПОНЯТИЯ СИНТАГМАТИКИ И ПАРАДИГМАТИКИ В ЯЗЫКЕ

Сочетание языковых единиц, образованное по законам этого же языка, лингвисты называют *синтагмой*. Что значит – по законам языка? Это значит: в языке есть строгие правила, которые командуют не отдельными, какими-то особыми единицами, а относятся к целому классу, объединяющему сходные единицы. Все типы языковых единиц – звуки, морфемы, слова, предложения – могут образовывать синтагмы. Сочетание можно назвать синтагмой, только если оно соответствует законам языка. *Оценить шутку, получить посылку, справить свадьбу, подарить книгу* – настоящие синтагмы. Каждая часть этого сочетания (переходный глагол + существительное в винительном падеже) заменяется множеством других единиц того же типа, класса. Синтагма (то, что является сочетанием, членимо) всегда должна опираться на классы единиц. Когда такой поддержки нет, то нет и синтагмы. Синтагмы, закономерные сочетания единиц, образуются языком на всех его уровнях – от звуков до предложений. Сложные предложения – это синтагмы, образованные из предложений. Многообразие синтагм поистине неисчерпаемо. Но языковые единицы можно соединять друг с другом правильно, а можно неправильно. Правильное, закономерное соединение языковых единиц – это синтагма. *Помог муравью и заставил муравья* – 2 синтагмы. Изменился глагол – и законы языка требуют заменить одну форму слова *муравей* на другую, с другим падежом. Возьмем другое существительное: *помог Кузьме, заставил Кузьму*. Опять меняется! И так будет всегда: в одних ситуациях будет одна форма слова, в других – ее всегда заменит другая. Языковые единицы, которые закономерно заменяют друг друга в текстах, образуют *парадигму*. Издавна, еще с античных времен, парадигмой называли формы одного слова: *рот – рта – рту; пишу – пишешь – пишет* и т. д. Падежные формы существительного составляют одну парадигму, спрягаемые формы глагола – другую. В более широком, не вполне правильном смысле парадигма означает любой набор, совокупность. Что объединяет все парадигмы? В чем их отличие от синтагмы? Принцип синтагмы: «вместе». Одна единица встречается вместе с другой. Они образуют закономерное сочетание. Принцип парадигмы: «вместо». Определенная единица употребляется вместо другой под влиянием условий. Смена караула. Язык – это закономерности синтагм и парадигм. Это баланс, равновесие между различием и

24. ПОНЯТИЕ МЕТОДА ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА. ОСНОВНЫЕ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ МЕТОДЫ В ЯЗЫКОЗНАНИИ И ИХ КРАТКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

Различные лингвистические науки благодаря общему методу составляют единство, однако в каждой из них он дополняется конкретными методиками в зависимости от материала и задач исследования. Кроме того, лингвистика заимствует методы конкретных наук и математики, когда это необходимо. Так, при изучении устной речи заимствуются методы и приборы из физики (акустики и электроники); при изучении письменной речи – методы и приборы оптики и электроники. Важную роль играет привлечение математики, особенно математической статистики и теории вероятностей, а также математической логики. Используются также данные психологии, географии, истории и социологии. Степень заимствования методов (или конкретных) данных зависит от общего метода лингвистики, который характеризуется тем, что определенным образом ограничивает наблюдения над фактами языка. Первым и основным ограничением является понятие *линейности речи*. Хотя реальность состоит в том, что речь не только линейна, но и объемна, лингвистикой вводится допущение, что исследуемое явление языка должно представляться как линейное. Линейное представление речи, состоящей из однородных единиц, называется *речевой цепью*. При изучении последовательности речевых событий, представленных как линия, устанавливается второе ограничение: *одинаковость понимания каждого события* говорящим и слушающим, что подразумевает однородность восприятия и осознания ими каждого представленного события. Одинаковость понимания линейной последовательности речевой цепи по ее элементам есть критерий принадлежности людей к одному языку и одновременно критерий существования языковой общности людей. *Коммутация* – правило выделения и отождествления единиц языка в линии речи путем подстановок и перестановок частей речевой цепи. Его суть состоит в том, что замена одного элемента цепи на другой подобный или перестановка элементов может либо сохранить смысл сообщения, либо исказить его и даже уничтожить. Коммутация позволяет разделить речевую цепь на элементы, ее составляющие. *Отождествление* – сведение однородных частей или элементов разных речевых цепей в единицу и выделение единиц языка. Совокупность тождественных или близких по звучанию и технике произношения элементов речевой цепи сводится в одну единицу. Отождествляемые элементы речевой цепи нередко называют *вариантами*, а единицы, полученные в результате отождествления, – *инвариантами*, и тогда говорят, что варианты принадлежат инварианту. Это означает, что у разных людей и в разных местах речевой цепи произношение (реализация) вариантов несколько различается, однако всегда любой элемент речевой цепи входит в какую-то единицу, т. е. всякий вариант принадлежит своему инварианту, и любой инвариант представлен совокупностью вариантов. *Совокупность инвариантов (единиц) составляет язык* – в лингвистическом понимании этого термина. При этом число единиц речевой цепи (инвариантов) ограничено, а число вариантов (элементов) бесконечно. Уточнение числа и характера описания единиц языка проводится с помощью процедуры, называемой *дистрибутивный анализ*. Слово *дистрибуция* буквально означает «распределение», или, иначе, сочетаемость единиц в речевой цепи. Дистрибуция или дистрибутивный анализ оперирует 2 основными понятиями – «синтагма» и «парадигма». Под термином *синтагма* понимается последовательность 2 и более элементов в речевой цепи; например: синтагма звуков **н-о** – противительный союз, звуков **н-а** – предлог, синтагма слогов **за-тем** – следование, синтагма слов **человек идет** – сочетание слов и т. д. Под термином *парадигма* понимается класс отождествляемых элементов, занимающих одно и то же место в синтагме: $\begin{matrix} \text{но/} & \rightarrow & \text{о/} & \text{за тем/} & \rightarrow & \text{за тем/} & \text{человек идет/} \\ \text{человек идет/} & & \text{на} & \text{а'} & & \text{за этим} & \text{этим'} & \text{человек бежит} \end{matrix} \rightarrow$ *Элементы* $\begin{matrix} \text{о/} & \text{тем/} & \text{идет/} \\ \text{а'} & \text{этим'} & \text{бежит} \end{matrix}$ представляют парадигму. В словах *мама*, *мыть*, *мазать* звук **м** представляет парадигму, так как он допускает после себя звуки **а** и **ы**, образуя сочетания **ма** и **мы**. Сочетания **ма** и **мы** являются синтагмами: в нашем случае синтагмами звуков и букв. Распределение элементов относительно позиций и распределение позиций относительно элементов называется *дистрибуцией*. Пользование языком представляет собой процесс, т. е. обладает временной компонентой. Программа процесса, т. е. последовательность, в которой ничего нельзя изменить, называется *системой* (например, движение поездов – это процесс, расписание движения поездов – это система). В этом смысле речь представляет собой процесс, а язык – систему. Целью лингвистического описания является обнаружение системы, стоящей за данным процессом.

25. ОСНОВНЫЕ ТИПЫ ПИСЬМА. РАЗВИТИЕ БУКВЕННО-ЯЗЫКОВОГО ПИСЬМА. СПЕЦИАЛИЗИРОВАННЫЕ СИСТЕМЫ ПИСЬМА

Древнейший предок письменности – *предметное письмо*. Современное буквенное письмо кажется довольно простым и удобным. На самом деле оно вобрало огромное множество правил, условных соглашений и замечательных открытий. Корни письменности уходят в глубокую древность. Древние изобретения человечества, похожие на письмо (но письмом не являющиеся), называют *предписьменностями*. На основе некоторых предписьменностей возникло письмо. Другие так и остались тупиковыми путями человеческой мысли, из которых не развилось ничего нового, хотя своим целям – учитывать скот или передавать простые сообщения – они служили хорошо. Предметным письмом считаются и такие древние способы передачи информации, как *вампумы* и *кипу*. *Вампумы* – это шнуры с нанизанными на них раковинами разного цвета или пояса, сплетенные из таких шнуров. *Кипу* (узелковое письмо) – это палочка или толстая веревка с привязанными к ней разноцветными шнурами различной длины. Предписьменностью была и *пиктография*. Слово это означает «рисуночное письмо», т. е. такое, при котором сообщение передается с помощью рисунков. К пиктографии, по-видимому, относятся и древние наскальные рисунки. Пиктография – внеязыковая знаковая система, поскольку она напрямую выражает мысли, а не слова и предложения. И тем не менее именно из нее произошло древнейшее словесное письмо. Родина письма – Древний Восток. Наиболее древней считается письменность шумеров (народа, жившего в Междуречье в Передней Азии). Шумерское письмо возникло более 5000 лет назад. Наиболее ранние образцы шумерской письменности – это бирки (обычно из глины) с печатью и пометкой о количестве, которые привязывали к предметам или животным. Постепенно система усложнялась. Появились стандартные знаки – *иероглифы*, с помощью которых легче всего было изображать конкретные вещи. Возможно, внешний вид шумерского письма связан с тем, что знаки выцарапывали на мокрой глине. По форме клинообразных черточек шумерское письмо и его наследники в Междуречье называются *клинописью*. Позже возникли *слоговые знаки*, которые могли обозначать некоторую короткую последовательность звуков, чаще всего слог (отсюда и название). Таким образом, именно в Шумере впервые сформировалась связь между звучащей речью и написанными знаками, без которой невозможна настоящая письменность. Использование знаков для обозначения звуковой оболочки слов называется *фонетизацией*. Она характерна для всех словесно-слоговых письменностей. В них появляются знаки 3 типов – словесные, слоговые и вспомогательные (*детерминативы*). Слоговые знаки использовались как самостоятельно, так и для сопровождения словесных знаков, чтобы уточнить их произношение. Знаки-детерминативы обозначали общие понятия и всегда присоединялись к другим знакам, поясняя их смысл. На основе слоговых знаков древних словесно-слоговых письменностей возникли чисто слоговые системы письма. Среди наиболее известных слоговых письменностей клинописные (древнеперсидская, аккадская и другие наследники шумерского письма), западносемитские (наследники древнеегипетской иероглифики) и 2 японские слоговые системы (наследницы китайского письма). К особому типу относятся западносемитские письменности (финикийская, арамейская, древнееврейская, арабская и т. д.). Обычно в слоговом письме знаки обозначают не один звук, а несколько – как правило, слоги, т. е. сочетания гласного и одного или нескольких согласных. В западносемитских письменностях были только знаки для согласных звуков, которые в тексте могли обозначать или отдельный согласный звук, или сочетание этого согласного с любым гласным. Такой тип письма называют *консонантным*. Консонантное письмо хорошо подходит для семитских языков, где согласные звуки играют особую роль: корень слова состоит из согласных (обычно 3). Сочетающиеся с ними гласные служат для словообразования и словоизменения. Путь к равноправному обозначению согласных и гласных был долгим. Уже в западносемитских системах письма для обозначения гласных иногда использовали так называемые *matres lectionis* – знаки, помогающие чтению. Так появилось звуко-буквенное письмо, в котором письменный знак обозначает не слово, не морфему, а звук. Письменность больше не пыталась напрямую передавать смысл, как пиктография или иероглифика, она просто фиксировала звуковой поток, и этот путь оказался самым эффективным. *Звуко-буквенное*, или *алфавитное*, письмо стало венцом графической эволюции. Оно наиболее экономно (звуков в языке меньше, чем слогов, а слогов меньше, чем слов) и подходит для языков всех типов, чего нельзя сказать о других видах письма. Письменность, состоящая только из словесных знаков, неудобна, например, для языков с богатым словоизменением (как обозначать отдельные морфемы?). Слоговые письменности не очень подходят для языков с большим скоплением согласных. Письменность как бы ушла на задний план, предоставив людям полную свободу выражения своих мыслей, сведя помехи в общении и взаимопонимании к минимуму.

26. ЯЗЫКОЗНАНИЕ В ДРЕВНЕЙ ИНДИИ

Предыстория индийской античной грамматики существенно отличается от китайской в связи с иной графикой и иной культурной традицией. Индийская письменность, будучи фонетической и звуко-буквенной, отличается от средиземноморских письменностей тем, что отмечает слоги и границы слов. С самого начала создатели алфавита предусмотрели фонетическое членение письменной речи на гласные и согласные. Гласные и согласные стали писаться в разных строках. Согласные пишутся в основном ряду графем, а знаки гласных добавляются в виде надписных и подписных знаков. Тем самым в графике отмечаются семантическая важность согласных и дополнительный характер (с точки зрения этой важности) гласных (индийская система графики помимо пробелов в строке допускает еще одно средство графического членения речи – лигатуры). Поскольку согласные знаки сочетаются со знаками гласных не в одной строке, а по вертикали, возникает как бы перемножение всех знаков гласных на все знаки согласных, тем самым вертикальное членение письменной речи по буквам – всегда слог (реальный или потенциальный). По этой причине индийскую графику называют иногда *слоговым письмом*. Таким образом, в индийском письме гласные и согласные – всегда не только 2 фонетические парадигмы, но и 2 графические парадигмы, расположенные на разных линиях. Отсюда на каждой из линий (основной и дополнительных) можно видеть свои синтагмы графем и звуков: синтагмы согласных и синтагмы гласных. Порядок алфавита согласных отражает различие звуков по способу и месту образования, а каждая буква в порядке алфавита читается с общим гласным. Поэтому индийская алфавитная традиция с самого начала обнаруживает, что «линия» речи фонетически делится на слоги и графически – на синтагмы и парадигмы графем, отражающих синтагмы и парадигмы фонем в системе языка. Такая структура индийского письма делала чрезвычайно удобными представление орфоэпических правил и лингвистический анализ. Индийская культурная языковая традиция отличается еще одной чертой. В ней ясно разделены 2 независимые линии: линия собственно ведической традиции, или санскрита, и линия разных отклонений от Вед, каждой из которых соответствует особая разновидность литературного языка – литературный пракрит. Так, для ведической традиции языком является санскрит, для буддийской – язык пали. Ведическая традиция сохраняет в себе все мифологические представления индийцев, канонизирует их, сводит в систему и на этой основе устраивает правовые, имущественные и этические нормативы. Поскольку текст сакрализован, понятие о правильности текста в ведической традиции может употребляться почти как синоним понятия сакральности текста. На этой основе развивается индийская грамматическая традиция. Грамматическая традиция индийцев весьма богата. Началом этой традиции считается грамматический трактат, созданный Панини. План содержания санскрита, по мысли древних индийцев, должен был быть определен каноническими сочинениями о разных видах деятельности – сакральной, практической, юридической и т. д. Совокупность таких текстов исчерпывающим образом определяет правильное поведение члена общества, позволяет ему найти свое место в мире и «упорядочить себя». Лингвистический трактат Панини, таким образом, органически входит в культуру Индии и является ее существеннейшим этическим элементом. Логические трактаты индийцев в отличие от трактатов греков отделены от лингвистического канона. Силлогистика у индийцев не получила такого развития, как у греков. Философская интерпретация познавательных функций языка по большей части сводится к интерпретациям отношений предложения и слова. Этимологические проблемы, так же как и вопросы происхождения языка, не занимают заметного места в индийской традиции. Традиция индийской логики интересна прежде всего тем, что она исследует все возможные правильные суждения, составленные из одних и тех же понятий. Такой способ анализа правильности суждений напоминает исчисление всех трансформаций одного суждения, при котором любое суждение эквивалентно другому с точки зрения логического содержания. Соответственно этому взгляду определяется и природа слова. С точки зрения индийского философа *Бхартихари*, слово не есть физическая реальность (поскольку слово участвует в разных предложениях и обуславливает тождество их логического содержания), а есть особая «духовная» сущность. Слово есть некоторый абстрактный инвариант, который тождествен сам себе в разных своих физических реализациях. Таким образом, индийская культура вырабатывает наиболее строгий лингвистический подход к языку. Ей свойственно ясное понимание нормативности, системности, экономности, инвариантности. Эти особенности индийской традиции сочетаются с имплицитно заключенной в них идеей ограниченности текстов в правильном языке.

27. ЯЗЫКОЗНАНИЕ В ДРЕВНЕЙ ГРЕЦИИ И РИМЕ

История языкознания связывает становление грамматического искусства в греко-латинском мире с именем *Аристотеля*. Будучи учеником Платона, Аристотель по-новому отнесся к языку как к предмету (отдельному) исследования. Если Платон в теории именовании занимается становлением речевой деятельности, то Аристотель рассматривает язык как проявление сложившейся системы деятельности. Как известно, Аристотель развил логическое учение. Грамматическое искусство он рассмотрел лишь в той мере, в которой это было необходимо для построения логики. Описание языка, данное Аристотелем, есть начальный этап построения лингвистической системы. Это начальное описание достаточно для логики. С тех пор логистика фактически довольствуется им, строя свои формальные системы, и не обращается к более детализированной разработке системы языка. Расцвет античной лингвистической традиции связан с деятельностью крупнейших представителей *александрийской грамматической школы*. В нее входили Дионисий Фракиец, Асклепиад из Мирлеи, Харет, Деметрий Хлор, Дионисий Галикарнасский и другие ученые, которые создали разные, но близкие друг к другу грамматические системы греческого языка. Каждая из этих систем внесла определенный вклад в грамматическое искусство. Александрийская грамматика создала практически исчерпывающую систему синхронической описательной грамматики. Сравнивая термины александрийской грамматики с современной научной грамматической терминологией, легко убедиться в том, что современная терминология восходит к александрийской системе. С другой стороны, современная научная грамматика менее четко прослеживает этимологическую связь между звуко-буквенным обликом слова и его значением, лексическим и грамматическим, считая это делом уже не грамматики, а особых наук – этимологии, орфографии и орфоэпии.

28. ЯЗЫКОЗНАНИЕ СРЕДНИХ ВЕКОВ И ЭПОХИ ВОЗРОЖДЕНИЯ

Вопросы языка, как известно, были предметом достаточно активного обсуждения в филолого-грамматических трактатах рассматриваемого периода, отражая потребности общественно-языковой практики и философской мысли. В сфере теории языка средневековые ученые восприняли отчасти ту языковую проблематику, которая была характерна для античной логики и философии. В филологии и грамматике работа велась в рамках нормализаторской деятельности в области распространения соответствующих канонических языков. Главная задача теории языка в этих условиях заключалась в преодолении стихийно обнаруживающейся тенденции к дифференциации текстов канонического языка, в согласовании нового письменного текста со старым письменным текстом в пределах соответствующего канонического языка, в устранении расхождений, возникающих в различных школах писцов. Усилия ученых были направлены не только на канонизацию старых текстов, но и на создание правил построения новых текстов. Для этой цели из античных лингвистических традиций заимствуются грамматика, поэтика, риторика и логика. Они также становятся предметом школьного схоластического преподавания. Результатом этого процесса стала канонизация грамматики, поэтики, риторики и логики, воспринятых из античных теорий языка. Риторика входила в качестве неотъемлемой части аппарата аргументирования в теологических спорах, грамматика же и логика рассматривались лишь как средства достижения этого искусства. Ученые Средневековья были далеки от изучения языка как такового. Сущность схоластики – подчинение всех наук теологии. Даже философия занимала подчиненное по отношению к теологии положение. С точки зрения существования языка Средние века характеризуются 2 важнейшими чертами:

- распространением в цивилизованном мире различных религиозных текстов, сопровождающихся толкованием, комментированием, унификацией и канонизацией содержания важнейших текстов, составляющих основу канона (таких, как Библия, Коран, конфуцианские и даосские классические сочинения, индийские тексты и т. д.) – эти тексты ставятся во главу угла всей системы знаний и составляют идеологический фундамент общества;
- расширением территории, на которой существуют письменные языки, включением в эти территории ряда мест, где уже существуют и развиваются местные языки – отсюда формирование особых видов билингвизма, имеющего свои специфические черты в каждом ареале культуры.

Грамматическое искусство арабов составляет новое слово в средневековом грамматическом искусстве. Это новое заключается и в специфической терминологии, и в особом построении системы, делающих всю традицию арабской грамматики оригинальной. К вопросам, поставленным перед теорией языка в эпоху Возрождения, относятся:

- решение проблемы создания национального языка и общеязыковой нормы;
- построение национальной грамматики;
- выработка графологических норм для соответствующих языков, т. е. решение проблемы адекватной графической (печатной) интерпретации устно-речевого текста;
- унификация орфоэпических норм;
- создание литературной нормы национального языка и решение проблем стилистики;
- этимологическое и историческое осмысление состава национального языка;
- обследование языкового состояния общества в целом (в границах государственных образований и в общемировом масштабе), сопровождающееся попытками установления взаимоотношений между языками, определяемых как экстралингвистическими, так и внутриязыковыми факторами. В сознании теоретиков языка XVI – XVIII вв. все эти проблемы были между собой связаны. Технические достижения в развитии книгопечатания оказывают огромное и далеко идущее влияние на гуманитарные аспекты общественного развития, оказываются теснейшим образом связанными с преобразованием всего языкового облика общества. Появление тиражных текстов создает все условия для стандартизации обучения, для роста темпов языковой коммуникации, для удовлетворения потребности в распространении знаний, продиктованной бурно развившимся машинным производством, требовавшим все большего числа подготовленных людей. Конечно, «правильные», канонические языки, как, скажем, латынь (для Европы), в силу своей развитости, унифицированности, отработанности и использования на обширных территориях были прекрасным средством для быстрого распространения просвещения. Создаются письменные языки – стандартные, литературные – на национально-языковой базе. Каждый такой письменный язык утверждается теорией языка и общественно-языковой практикой в качестве нормы. Эта норма выступает как система графических (и типографских) знаков, с которой общество стремится согласовать всю языковую деятельность своих членов. Это языковое строительство идет под лозунгом «единство речи и письма», который, однако, действует совершенно иначе, чем прежде: движение теперь совершается от письменного языка к устному – через школу, грамматику, словари (орфоэпические, толковые, орфографические).

29. ВОЗНИКНОВЕНИЕ СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ (Ф. БОПП, Р. РАСК, А. ВОСТОКОВ, Я. ГРИММ)

Открытие сравнительно-исторического метода было вполне подготовлено всем ходом развития языковедческой науки. Бопп, Востоков, Гримм и Раск фактически независимо друг от друга пришли к аналогичным, взаимно дополняющим один другого выводам в отношении сравнительно-исторического метода. У каждого были свои положительные стороны, свои отличительные черты. Востоков, например, в отличие от Гримма и Боппа тщательно исследовал фонетический строй сравниваемых языков древнейшей поры, много занимался вопросами синтаксиса. Раск строил свои выводы прежде всего на данных фонетики. Сравнительно-исторический метод исследования в соответствии с идеей его создания применим только в отношении родственных языков, т. е. языков, имеющих общее происхождение. Под последним подразумевается восхождение этих языков к единому источнику, праязыку (языку-основе). В лингвистическом исследовании реконструируются, т. е. воссоздаются, с известным приближением, языковые факты родственных языков, относящиеся к дописьменным периодам истории их развития, выдвигаются гипотезы относительно этапов разделения праязыка, устанавливаются общие тенденции развития вновь образовавшихся из праязыка языков, тенденции, которые были заложены еще в эпоху их единства в рамках праязыка. Франц Бопп (1791 – 1867) по сложившейся в лингвистике традиции считается родоначальником сравнительно-исторического языкознания. В своих исследованиях Бопп ставит перед собой 2 основные задачи: детально обследовать и доказать родство индоевропейских языков; раскрыть тайну возникновения флексий. Заслугой Боппа считается тот факт, что при сравнении языков он берет за основу грамматический строй, опирается при доказательстве языкового родства на сходство флексий, поскольку последние относятся к элементам, которые редко заимствуются из одного языка в другой. Бопп создал *теорию агглютинации*, по которой глагольные корни в словах – это носители реального значения, а местоименные корни – источники образования флексий, причем личные окончания глагола рассматриваются как суффиксированные личные местоимения, выражающие субъект. Расмус Кристиан Раск (1787 – 1832) – автор многочисленных грамматик испанского, итальянского, фризского, древнеанглийского, шведского и других языков (Раск владел 25 языками). Основным трудом Раска в области сравнительного описания языков является *«Исследование в области древнесеверного языка, или происхождение исландского языка»*. В этой работе Раск доказывает родство готских, т. е. германских, языков с фракийскими, т. е. латинским и греческим языками. Основным методическим приемом, по Раску, является упор на установление грамматических соответствий. Якоб Гримм (1785 – 1863) – выдающийся немецкий ученый, один из основоположников сравнительно-исторического метода, автор первой фундаментальной сравнительной грамматики германских языков. В историю языкознания Гримм вошел прежде всего как автор 4-томной *«Немецкой грамматики»*. В основе данного исследования лежит сравнение на исторической основе всех германских языков, сравнение, охватывающее языковой материал, начиная с первых письменных памятников. В разработке сравнительно-исторического метода и особенно в становлении славянского сравнительного языкознания значительную роль сыграли работы русского академика Александра Христофоровича Востокова (1781 – 1864). Востоков стремился показать различные степени родства между сравниваемыми языками. В основу установления степени родства, по Востокову, должно быть положено деление всех слов на *первоклассные (первенствующие)* и *второклассные (второстепенные)*. К первым Востоков относит слова, обозначающие человека, части тела, родственные связи, гласные объекты окружающей природы и качества, которые могут быть приписаны этим объектам, а также числительные и местоимения. Первоклассные слова, утверждает Востоков, представляют собой наиболее древний, собственный, незаимствованный словарный пласт в каждом языке. Востоков утверждает, что если *«таковые первоклассные слова при тождестве значения в 2, 3 или множайших языках имеют тот же или подобный звук, то сие может служить верным доказательством, что языки сии одного происхождения или корени»*. Ко вторым Востоков относит названия орудий, ремесел, искусств и т. д., которые в процессе торговых или культурных связей народы наиболее часто заимствуют друг у друга. Соответственно сходство подобных слов в различных сравниваемых языках, по его мнению, *«не составляет еще доказательства о единоплеменности народов или о сродстве языков»*.

30. ЯЗЫКОВАЯ КОНЦЕПЦИЯ ВИЛЬГЕЛЬМА ФОН ГУМБОЛЬДТА

Вильгельм фон Гумбольдт, отличавшийся ярко выраженным философским складом ума и стремлением к теоретическим обобщениям, явился первым исследователем языка XIX в., сделавшим попытку осмыслить весь обширный материал и имевшиеся результаты научных открытий и сформулировать фундаментальные положения *метода* и *философии* лингвистической науки. Особенно важное значение имеют 2 его работы: «*О разнообразии структур человеческого языка*» и теоретическое введение в большом труде «*О языке кави на острове Ява*», занимающее целый том под названием «*О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человеческого рода*», где Гумбольдт наиболее полно излагает свою концепцию онтологии языка и основные положения своей антропологической концепции, в соответствии с которой род человеческий рассматривается как совокупность народов, которые при всем их различии обнаруживают фундаментальное единство природы и разные пути восхождения к общему идеалу. По убеждению Гумбольдта, «различность» и множественность форм проявления, будь то в языке или культуре, - залог прогресса, фактор, обеспечивающий взаимное обогащение и совершенствование (в форме и содержании). Эволюционная теория языка занимает в общелингвистической концепции Гумбольдта важнейшее место. К отправным в этой теории можно отнести:

- положение о том, что само возникновение, существование и развитие системы языка не зависит от сознательных действий людей, иными словами, не есть продукт осознанной деятельности человека;
- положение о языке как эволюционирующей структуре массовой человеческой (языковой) деятельности.

Первое положение предполагает исследование материала языка как отдельной замкнутой в себе системы, где действуют в принципе такие же закономерности, как и в любой естественной системе. Второе положение предполагает обоснование общего принципа эволюции. Действия с языком – это массовые действия человеческих коллективов. Отсюда язык есть продукт деятельности масс, народов, наций. Гумбольдт отмечает исключительную роль языка в становлении человека, в восприятии им действительности, в познании мира и себя самого, в формировании его индивидуального и социального миропонимания, в становлении самого общества. Всякое достижение истины, всякое объективное миропонимание возможно, по Гумбольдту, лишь в коллективном мышлении, в обмене идеями и представлениями через посредство такого могучего человеческого инструмента, как язык. Но это лишь одна сторона связи языка и мышления, один аспект их взаимодействия. Другая сторона состоит в том, что при всем том нерасторжимом единстве, которое составляют язык и мышление, несмотря на невозможность существования одного без другого, из взаимоотношения не лишены элементов внутренней противоречивости. Однако в этих противоречивых тенденциях язык обогащается все более утонченными средствами выражения. Гумбольдт выводит одну из важнейших лингвистических антиномий – *антиномию неразрывного единства и внутренней противоречивости языка и мышления* – 2 сторон некоего большего целого. Другая его известная антиномия языка – *язык в такой же мере деятельность, в какой и произведение*. Еще одна антиномия – *антиномия речи и языка*. К ней тесно примыкает *антиномия речи и понимания*. Гумбольдтом также выведены *антиномия объективного и субъективного в языке, антиномия коллективного и индивидуального в языке, антиномия устойчивости и движения в языке*. Происхождение и назначение языка, по Гумбольдту, прежде всего связано с 2 факторами: с «внешней необходимостью поддерживать общественные отношения», т. е. с потребностями общения; с «внутренней потребностью» - необходимое условие развития интеллектуальной и духовной сторон жизни народа. И каждый язык понимается Гумбольдтом как опыт удовлетворения этих требований. Большой интерес представляет учение Гумбольдта о *форме в языке*. По мнению Гумбольдта, в абсолютном смысле в языке не может быть материи без формы (в языке все направлено на выполнение определенной задачи, а именно на выражение мысли). Кроме того, на их форме основывается само различие языков. В своих работах Гумбольдт теоретически предвосхищает многие положения языкознания более позднего периода.

31. НАТУРАЛИСТИЧЕСКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ В ЯЗЫКОЗНАНИИ. КОНЦЕПЦИЯ АВГУСТА ШЛЕЙХЕРА

Возникновение натуралистической концепции в языкознании связано с бурным развитием в Европе в середине XIX в. естественных наук, прежде всего того их ответвления, которое принято называть точными науками. Развитие натуралистического направления как определенной философии языка связано в первую очередь с именем немецкого лингвиста *Августа Шлейхера*. Наиболее отчетливо натуралистическая философия языка Шлейхера сформулирована в таких его работах, как: «*Теория Дарвина и наука о языке*»; «*Значение языка для естественной истории человека*». Согласно основному положению натуралистического направления языкознание по своим методам примыкает к естественным наукам. Разница между естественными и историческими науками заключается в том, может или нет воля людей влиять на объект науки: в естественных науках господствуют законы, не зависящие от воли людей; в исторических науках невозможно избежать субъективизма. В работе «*Теория Дарвина и наука о языке*» Шлейхер прямо указывал, что «законы, установленные Дарвином для видов животных и растений, применимы, по крайней мере в главных чертах своих, и к организмам языков». Языки, или «языковые организмы», по Шлейхеру, возникли естественным путем, независимо от человеческой воли, они не есть дело рук человеческих. Поэтому Шлейхер называет их естественными организмами, естественными телами. Именно это роднит языки с другими порождениями природы. По мнению Шлейхера, «разделения» и «подразделения» в области языков по существу те же самые, что и в «царстве естественных организмов». Так, виды, относящиеся в рамках классификации к одному и тому же роду, в языкознании называются *языками* (каких-либо племен людей); подвиды известны как *диалекты* или *наречия* определенного языка; разновидностям соответствуют *местные говоры*, а отдельным особям – способ выражения отдельных людей, говорящих на определенных языках, т. е. *индивидуальная речь*. Шлейхер переносит на язык установленный Дарвином закон изменчивости видов. Он стремится установить общие законы возникновения и развития человеческого языка, основываясь на законах развития животного и растительного мира. По мнению Шлейхера, аналогично тому как весь органический мир развился из одноклеточных организмов, так и языки мира ведут свое происхождение от таких простейших языков, в которых еще не выражены ни глаголы, ни имена, ни спряжения, ни склонения и т. д. Близость языка к природным организмам Шлейхер видит также в способности языка к эволюции. В теории Шлейхера о развитии языка кроме тенденции современного ему естествознания отражается влияние философской системы Гегеля (в частности, его эволюционной теории), которую Шлейхер тщательно изучал и которой он увлекся. Влияние Гегеля очень сильно проявляется в формулировках и в построении доказательств шлейхеровской эволюционной теории языка. Особенно ясно прослеживается влияние Гегеля в делении языков на 3 типа и в признании 2 периодов в языковой эволюции. Шлейхер рисует картину своеобразного географического варьирования языков. Языки, по его мнению, не могут скрещиваться, но могут вступать в культурные контакты, своего рода союзы сосуществования. Ошибочным в концепции Шлейхера и его последователей явилось слишком прямолинейное, нередко выходящее за рамки метафорического сравнения и понимаемое и мыслимое буквально, перенесение на язык законов, присущих биологическим организмам, которые действительно растут, развиваются, а затем дряхлеют и умирают. Языки, конечно, тоже возникают, развиваются, иногда умирают. Но смерть эта носит не биологический, а социально-исторический характер. Язык умирает вместе со смертью, т. е. исчезновением, говорящего на нем общества, коллектива людей. Однако, несмотря на ошибочность некоторых идей натуралистической концепции в языкознании, следует всегда учитывать тот факт, что сравнение языка с живым организмом способствовало утверждению системного взгляда на язык как на объект, обладающий собственной структурой. Предпринятые Шлейхером опыты реконструкции индоевропейского праязыка как целостной системы форм (в частности, написанная им на этом «праязыке» басня, являвшаяся нередко объектом разного рода насмешек) были образцом системного подхода к языку в исследовательской практике и немало способствовали уточнению методики языковой реконструкции и пониманию структурности и системности языка.

32. ШКОЛА МЛАДОГРАММАТИКОВ И ИХ КРИТИКА

Младограмматическое направление в истории науки связано прежде всего с дальнейшим расцветом сравнительно-исторического языкознания. В результате накопления обширного фактического материала по различным индоевропейским языкам, открытий, сделанных младограмматиками в области исторической фонетики и морфологии, происходит пересмотр целого ряда положений компаративистики. Подвергаются сомнению или опровергаются многие доводы Боппа, Гримма, Шлейхера и других языковедов. Неизменной остается лишь самая основа индоевропейского языкознания, а именно положение о родстве индоевропейских языков, т. е. об их возникновении на базе одного и того же праязыка. Однако само понятие «праязык» подвергается коренному пересмотру. Прежде всего окончательно утверждается положение о том, что индоевропейский праязык отнюдь не находился на стадии примитивного развития. Следовательно, попытки восстановления его черт не могли пролить свет на пути возникновения и развития человеческого языка. Далее, если еще в середине XIX в. праязык представлялся исследователю как единый, не расчлененный на диалекты, то теперь в праязыке усматривали диалектальные различия, обосновывая это положение тем, что на них прямо указывают некоторые фонетические явления. Считается, что диалектальные различия имелись и в области морфологии и синтаксиса. Из признания длительности пути развития индоевропейского праязыка вытекала невозможность его реконструкции в виде единого горизонтального среза. В результате невозможно было установить наверняка, является ли восстанавливаемое, скажем, слово более ранним или более поздним (сравнительно с другими) по своему происхождению. Учитывая сложность задачи, младограмматики рекомендуют по возможности ограничиться реконструкцией звуков и отдельных морфем, не касаясь реконструкции предложений. В сравнительных грамматиках славянских языков нет описания происшедшей там перестройки всей временной системы, ничего не говорится о возникновении некоторых аналитических временных форм. В сравнительных грамматиках германских языков не рассмотрены артикль, описательные времена, формы залога. Все это объясняется тем, что перечисленные категории оформлялись уже в период исторического развития указанных языков, а материал создаваемых сравнительных грамматик ограничивался описанием древнейшего состояния этих языков. Не выявляются факторы, объясняющие, почему древние исконные элементы сохранились в отдельных индоевропейских языках в разной степени. Недостаточно учитывалась история народов, говоривших на этих языках, в частности, сложность и длительность процессов обособления или, наоборот, слияние отдельных языковых групп, возможность их вторичных схождения. Например, в XIX и начале XX в. считалось, что все глагольные формы древнеиндийского и древнегреческого языков были унаследованы от эпохи индоевропейской общности. А в сравнительно-исторических исследованиях середины XX в. уже высказывается предположение, что богатая видовременная система глагола в греческом и индо-иранских языках возникла после их обособления от языка-основы. Крупным недостатком следует признать и то, что, несмотря на все оговорки, праязыковые факты тем не менее как бы выстраивались в одной хронологической плоскости. Это относится к реконструкции праязыковых элементов, которые не характеризовались дифференцированно на оси диахронии, хотя многие из них относились к разным хронологическим периодам. В результате так называемый праязык по-прежнему представлялся вне процесса развития, в идеальной статичности. Лингвистические исследования ограничивались преимущественно областью фонетики, в меньшей степени затрагивая морфологию и почти совсем не касаясь синтаксиса. Разработка в трудах младограмматиков проблемы звукового закона как единицы лингвистического описания, установление четких критериев использования звуковых

33. ЛОГИКО-ГРАММАТИЧЕСКОЕ И ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ НАПРАВЛЕНИЯ В ОБЩЕМ ЯЗЫКОЗНАНИИ (ТЕОРИИ Ф. БУСЛАЕВА И А. ПОТЕБНИ)

Представителем логико-грамматического направления является *Фёдор Иванович Буслаев*. В истории языка он стремился найти отражение древних верований, культуры и быта людей, говоривших на нем. В развитии языка он выделял 2 периода. Для первого периода характерна большая конкретность значения слов и грамматических форм. Во второй период на первое место выходит логическое начало. Однако и современному языку присущи свои собственные законы, которые часто противоречат законам логики. Идея Буслаева развивает характерное для романтической школы представление об истории человечества как о постепенном разрушении гармоничного мира древности. В рамках этой концепции исторический путь языка показан как постепенное превращение живого организма в четко организованную формальную систему. Под психологией языка понимается анализ психических процессов, связанных с речевыми актами (что правильнее было бы назвать психологией речи), или же изучение психологических закономерностей, проявляющихся в историческом развитии системы языка. Представители психологического направления выдвигают требование, чтобы язык рассматривался как особый механизм деятельности индивидуальной психики, механизм представлений в сознании отдельного человека или как специфическое проявление психологии народа. Первое наиболее характерно для индивидуального психологизма. Второе – для психологизма социального, в центре внимания которого находится народ, коллектив, нация и свойственные им как некоему целому психологические проявления и процессы. Философско-лингвистические воззрения Александра Афанасьевича Потебни, складываясь под влиянием таких крупнейших мыслителей, как Гумбольдт, Штейнталь и т. д., опираются на основополагающее положение о том, что развитие мышления и языка идет в едином процессе эволюции человека, что развитие одного невозможно без участия и развития другого. Слово не только средство для выражения готовой мысли: оно способ, прием ее создания и разработки. Язык – это сама мысль. Самое рождение мысли обнаруживает ее органическую связь с языком, зависимость от языка. Тесно связывая звуковую речь с мыслью, подчеркивая необходимость конкретно-исторического изучения фактов речи, ее продуктов, как и продуктов мышления, Потебня основной реальностью языка считал связную речь. Язык у Потебни охватывает все виды устной и письменной речи, различные диалектные и стилевые проявления, а также сферы поэзии и науки. Отсюда становится понятным, почему Потебня изучает язык в связи с народным поэтическим творчеством, народными верованиями и обрядами. Ряд трудов Потебни посвящен изучению народной поэзии и обрядов в плане символики и остатков языческих верований. Большое внимание Потебня уделял изучению народных песен с лексической стороны. Это дало ему возможность проиллюстрировать общие положения своей теории большим количеством конкретных примеров из истории слов. Потебня внес большой вклад в развитие русской диалектологии. Анализируя соотношение слова и художественного произведения, Потебня очень большое место отводит учению о внутренней форме. На протяжении нескольких лет Потебня дал ряд определений внутренней формы. Единого, итогового определения внутренней формы у него нет. Первоначальное определение внутренней формы слова как «способа представления внеязычного содержания», по существу, примыкает к определению, данному Гумбольдтом. В дальнейшем Потебня отходит от Гумбольдта. Под внутренней формой слова он понимает представление плюс этимологическую форму слова, а также наименьшее значение, «без которого слово не может быть самим собой». Определения внутренней формы в значительной степени основаны на том, что все языковые явления Потебня рассматривал прежде всего с точки зрения тех психических процессов, которые происходят в сознании говорящего индивида, и поэтому он искал объяснение различным языковым явлениям в лежащих, по его мнению, в их основе психологических категориях. Изменение грамматических форм, как считает Потебня, обусловлено изменением форм мышления. Потебня был среди тех, кто указывал на необходимость изучать явления языка в их взаимосвязи, способствуя тем самым формированию системного взгляда на язык.

34. ОСНОВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МОСКОВСКОЙ И КАЗАНСКОЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ШКОЛ (ФОРТУНАТОВ И БОДУЭН ДЕ КУРТЕНЭ)

С конца XIX в. в языковедении, как в западном, так и в отечественном, начали складываться школы, в рамках которых развивались те или иные традиции изучения языка: методологические взгляды на науку, решение принципиальных вопросов возникновения языков, их эволюция и т. д. В России конца XIX в. сложились 2 большие лингвистические школы – Московская и Казанская. Их основателями были 2 великих русских лингвиста – *Филипп Федорович Фортунатов* и *Иван Александрович Бодуэн де Куртенэ*. Он считал, что слово имеет форму, если в нем можно выделить основу, с которой связано его главное значение (Фортунатов называл его реальным), и аффикс, выражающий формальное значение. Интересен метод, которым пользовался Фортунатов, чтобы выделить эти части слова. Например, он сопоставлял слово *несу*, с одной стороны, со словами *беру*, *веду*, а с другой – со словами *несешь*, *несет*. *Несу* обозначает такое же действие, как и *несешь*, *несет*. Значит, можно связать это значение с общей частью всех этих словоформ – основой *нёс*. А словоформы *несу*, *беру*, *веду* называют разные действия, но все они содержат указание, что действует сам говорящий. Следовательно, это значение выражено общей частью этих словоформ, т. е. окончанием *у*. В этой процедуре выявились 2 важнейших свойства формы слова. Во-первых, форма обязательно должна быть как-то внешне выражена. Во-вторых, формальное значение всегда сопутствует основному: слово может состоять из одного корня (носителя основного значения слова), но оно не может состоять только из аффикса (носителя формального значения). Фортунатов различал формы словоизменения (разные грамматические формы одного слова) и формы словообразования (разные слова, связанные словообразовательными отношениями). Если аффикс изменяет основное (лексическое) значение слова, то это разные формы словообразования: *избушка* – маленькая *изба*. А если аффикс не изменяет лексического значения слова, а только добавляет к нему то или иное синтаксическое значение, то это формы словоизменения. Именно с идеей Фортунатова ведет начало новый, строго научный подход к изучению грамматики языка, поэтому его учение по праву считается важнейшим этапом становления языкознания как науки. Завершив обучение за границей и защитив в 29 лет докторскую диссертацию, Бодуэн де Куртенэ уехал преподавать в Казанский университет. Именно в Казани он нашел себя как ученый: там сложилась его научная концепция, там же он создал школу языковедов. Начиная с ранних работ, Бодуэн де Куртенэ подчеркивал, что научное языкознание не сводится только к изучению языковой истории и родственных связей языков. Он указывал, что необходим «всесторонний разбор положительно данных, уже сложившихся языков», среди которых главное место занимают «живые языки народов во всем их разнообразии». Сущность человеческого языка обусловлено чисто психическими законами... Так как язык возможен только в человеческом обществе, то кроме психической стороны мы должны отмечать в нем всегда сторону социальную. Психологический подход к языку определял для Бодуэна де Куртенэ принципы изучения фонетики и грамматики. Новый этап развития фонетики начался, когда во второй половине XIX в. родилась *экспериментальная фонетика*. Впервые появилась возможность с помощью приборов изучать акустические свойства звуков и деятельность голосов аппарата человека. Однако успехи акустики и физиологии требовали лингвистического осмысления. Выяснилось, что многие фиксируемые приборами звуковые нюансы речи не осознаются человеком и не служат в языке для различения смысла. Нужны были критерии, позволяющие отделять лингвистически значимые различия от незначимых. В связи с этим Бодуэн де Куртенэ разграничил 2 разные дисциплины, изучающие звуки речи. Одна из них – это акустико-физиологическая фонетика, исследующая объективные свойства звуков с помощью приборов. Другой он дал название «психофонетика», однако позже для нее установился термин *фонология*. Первая дисциплина изучает звуки реальной речи, создает базу для второй, но только косвенно относится к языкознанию. Вторая дисциплина – прямо лингвистическая, она исследует звуки как представления человеческой психики, которые служат в языке для выражения смысла. Бодуэн де Куртенэ впервые выделил главную единицу фонологии – *фонему*. Этот термин существовал и раньше, но Бодуэн де Куртенэ придал ему новый смысл. В отличие от звуков с их зависимостью от индивидуальности говорящего, от обстановки речи фонема существует вполне объективно, одинаковым образом для всех. Как мельчайшая единица языка, она принадлежит сознанию человека, а не потоку звуковой речи. В фонему объединяются звуки, которые для носителя языка не различаются между собой. Другой единицей языка, впервые выделенной Бодуэном де Куртенэ, была *морфема*. До него существовали такие термины, как *корень* и *аффикс*, но обобщающего понятия для минимальной значимой единицы языка не было. Одним из первых в мировой науке Бодуэн де Куртенэ поставил вопрос о том, что такое слово. Слово можно определять по-разному, а различие его свойства требуют выделения разных единиц, которые могут не совпадать друг с другом и с тем, что обычно называют словом. Слово в традиционном смысле – это прежде всего психическая единица, которая хранится в глубинах сознания человека. Бодуэн де Куртенэ занимался и вопросами исторического развития языков. Но и здесь его подход был новаторским: ученого интересовало не только, как конкретно изменялся тот или иной звук в каком-либо языке, но и поиск общих закономерностей языковых изменений. Он старался выявить причины таких изменений, указывая, например, что люди бессознательно стремятся к тому, чтобы им было более удобно произносить звуки, а позднее столь же бессознательно забывают и не воспринимают прежнюю структуру слова. Бодуэн де Куртене подвел итог достижениям науки о языке XIX в. и попытался предсказать пути ее развития в следующем столетии.

35. ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ ФЕРДИНАНДА ДЕ СОССЮРА

Лингвистическая концепция Фердинанда де Соссюра была изложена в его основном труде – «*Курс общей лингвистики*». Основные идеи, вошедшие в этот труд – связь процессов говорения и слушания, язык как знаковая система, понятия синхронии и диахронии. Все явления, связанные с процессами говорения и слушания, Соссюр обозначил термином *речевая деятельность*. Она исключительно многообразна, но лингвисту надо уметь видеть в этом многообразии главное – язык. Все компоненты речевой деятельности, не относящиеся к языку, ученый назвал общим термином *речь*. Языку принадлежит далеко не все, что есть в речевой деятельности. Все индивидуальное, все связанное с творческим характером языка у Соссюра отнесено к речи. Язык, по Соссюру, – это социальное, коллективное явление, общее достояние всех говорящих на нем, тогда как речь всегда индивидуальна. Знак, согласно Соссюру, имеет 2 стороны, которые неотделимы друг от друга так же, как 2 стороны листа бумаги. Сначала он дал им названия «понятие» и «акустический образ», а затем переименовал соответственно в «означаемое» и «означающее». *Означаемое* – то, что знак значит, информация о чем-то. *Означающее* – то, что человек воспринимает органами чувств и что указывает на эту информацию. Означающее может быть звуковым – так чаще всего бывает в языке, но это необязательно. Главное свойство знака, по Соссюру, – произвольность. Означающее и означаемое связаны между собой лишь обычаем, а не какой-нибудь естественной связью. Еще одно знаменитое противопоставление Фердинанда де Соссюра – это противопоставление синхронии и диахронии. *Синхрония* – это описание языка в какой-то момент, а *диахроническая лингвистика* включает в себя историческую и сравнительно-историческую. До Соссюра существовало немало и синхронических, и диахронических исследований. Но эти 2 способа описания часто смешивались. Многие современники Фердинанда де Соссюра не хотели отказываться от представления о том, что солидное научное исследование языка обязательно должно включать исторический анализ. Из всех идей Соссюра идея о разграничении синхронии и диахронии вызвала наибольшие споры. Однако ученые более молодого поколения подхватили и это разграничение. Пришло время разрабатывать новые, более точные методы изучения языка, а лучший «полигон» для таких методов – современные языки, которые можно изучать максимально полно, используя экспериментальные методы. После Соссюра, конечно, исторические и сравнительно-исторические исследования не прекратились, но центр внимания переместился на синхроническую лингвистику, прежде всего на работу с современными языками. Именно в этой области в XX в. были достигнуты наиболее значительные результаты. Лингвистика, развивавшаяся на основе идей Фердинанда де Соссюра, стала по-настоящему точной наукой. Ее стали называть *структурной лингвистикой*, поскольку

36. ПРАЖСКАЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ШКОЛА

Пражская лингвистическая школа была первой по времени образования среди школ структурного языкознания. Эта школа была создана в 1926 по инициативе В. Матезиуса и Р.О. Якобсона и просуществовала организационно до начала 50 гг. Пражский лингвистический кружок явился центром деятельности Пражской школы, поистине интернациональной по своему составу. Организатором и главой кружка был Вилем Матезиус. В кружок входили чехословацкие ученые Франтишек Травничек, Владимир Скаличка. Среди членов кружка были русские лингвисты-эмигранты Николай Сергеевич Трубецкой, Роман Осипович Якобсон. Первое изложение новой исследовательской программы по общему и славянскому языкознанию было дано в «Тезисах Пражского лингвистического кружка» (1929), содержащих в достаточно четком виде основные положения, которые разрабатывались в дальнейшей деятельности Пражской школы функциональной лингвистики. Были выдвинуты принципы структурного описания языка. В этих тезисах давалось определение языка как системы средств выражения, служащей какой-то определенной цели, как функциональной системы, обладающей целевой направленностью; указывалось на невозможность понять любое явление в языке без учета системы, к которой оно принадлежит. Синхронный анализ современных языков провозглашался лучшим способом для познания сущности и характера языка и распространения системного понимания на изучение прошлых языковых состояний. Подчеркивалась недопустимость жесткого разграничения между методом синхроническим и диахроническим. Признавалась необходимость в сравнительном изучении родственных языков не ограничиваться только генетическими проблемами, но и использовать структуральное сравнение и типологический подход, чтобы системно осмыслить законы конвергенции и дивергенции языков. В тезисах провозглашался призыв к исследованию языковых контактов в рамках региональных объединений различного масштаба, высказывалось несогласие с утверждениями о произвольном и случайном характере возникновения языковых явлений. В «Тезисах» были заложены основы структурно-фонологического анализа. Исходя из целевой обусловленности фонологических явлений, приоритет отдавался не двигательному, а акустическому образу. Подчеркивалась важность инструментального исследования звуковой стороны языка. Было проведено различие 3 аспектов звуков – как объективного физического факта, как акустико-двигательного представления и как элемента функциональной системы. Подчеркивалась меньшая существенность материального содержания фонологических элементов по сравнению с их взаимосвязью внутри системы (в соответствии со структуральным принципом фонологической системы). К числу задач синхронической фонологии были отнесены: установление состава фонем и выявление связей между ними, определение фонологических корреляций как особого вида значимых различий, регистрация реальных и теоретически возможных в данном языке сочетаний фонем, изучение морфологического использования фонологических различий (морфофонологии) и анализ морфем типа к/ч в комплексе рук/ч: рука, ручной. В русле Пражской школы функциональной лингвистики складывалась фонология как первая дисциплина, где был применен структурно-функциональный подход. Ее создатель Трубецкой, автор всемирно известного труда «*Grundzuege der Phonologie*» опирался на идеи Бодуэна де Куртенэ, Соссюра. Основные черты его фонологической концепции: разграничение фонологии и фонетики (параллельно соссюровскому разграничению языка и речи); разработка критериев (в основном функциональных) выделения и отождествления фонем; выдвижение понятия фонологической оппозиции; указание на разложимость фонемы на одновременно данные, нелинейные различительные признаки и определение фонемы как "пучка" различительных признаков; использование фонетических характеристик при описании дифференциальных признаков (что не допускалось дескриптивистами и глоссематиками); разработка типологии фонологических оппозиций; указание на нейтрализацию фонологических оппозиций в определенных позициях и постулирование архифонемы как единицы, объединяющей свойства нейтрализуемых фонем. Серьезный вклад был сделан пражцами в разработку понятия функциональной перспективы предложения, задаваемой актуальным членением, т.е. членением на тему и рему (В. Матезиус и др.). Основательно были разработаны функциональная стилистика и теория литературного языка, проведено разграничение понятий норма и кодификация (для объективно существующего в языке и для целенаправленной деятельности лингвиста). Оппозиционный анализ явился главным вкладом пражцев в методологию структурного анализа языка. Оппозиция понималась как лингвистически (семиологически или семиотически) существенное различие между единицами плана выражения, которому соответствует различие плана содержания (и наоборот), как специфического вида парадигматического отношения (корреляция). Оппозиционный метод стал использоваться для идентификации (установления парадигматических границ) языковых единиц, для выявления дифференциальных признаков (и их наборов) в фонетической или семантической субстанции, отличающих данную единицу от противопоставляемых ей единиц, для установления системных связей между противопоставленными единицами. Классические фонологические опыты пражцев получают продолжение в виде построенной позднее, в американский период деятельности Якобсона. Величайший лингвист XX в. Якобсон продолжает традиции Пражской лингвистической школы. Он проявлял активный интерес к проблемам многочисленных конкретных языков, теории эволюции языков, теории языковых союзов, типологии языков, теории знака (в том числе и нулевого), общей теории языка. Он разработал метод бинарных оппозиций, создал дихотомическую фонологию, постулирующую наличие универсального для языков мира набора определяемых в акустических терминах различительных признаков.

37. ДАТСКИЙ СТРУКТУРАЛИЗМ-ГЛОССЕМАТИКА

В 1931 г. был основан Копенгагенский лингвистический кружок, во главе которого стояли Луи Ельмслев и Вигго Брэндаль.

Копенгагенский лингвистический кружок был создан в период утверждения в языкознании и в смежных науках идей структурализма. Он формировался под влиянием идей Ф. де Соссюра, Московской фортунаатовской школы, Женевской школы, Пражской лингвистической школы. Многие датские структуралисты понимали язык как структуру, а именно как целое, состоящее, в противоположность простому сочетанию элементов, из взаимообусловленных явлений, из которых каждое зависит от других и может быть таковым только в связи с ним. В рамках этой школы сложилась глоссематика как крайнее, строго формализованное в духе требований математики, логики, семиотики и философии неопозитивизма воззрение на язык. В глоссематике как универсальной синхронической теории языка, разработанной Луи Ельмслевом и Хансом Йоргеном Ульдаллем и полно изложенной в работе Ельмслева «*Пролегомены к теории языка*» (1943), наиболее последовательно была реализована исследовательская программа Соссюра, и в этой реализации были акцентированы такие моменты, как признание независимости теории от опыта и экспериментальных данных; стремление строить теорию как логико-математическое исчисление; предназначение теории быть приложимой к языкам любой природы; восприятие идей Соссюра о различении языка и речи, о системности языка, о двусторонней структуре знака, о понимании языка как формы, а не субстанции, о замкнутости языковой системы в себе. Соссюровская дихотомия «язык – речь» заменяется 4-членным противопоставлением «схема → норма → узус → акт речи». В языке выделяются план выражения и план содержания, с дальнейшим различением в первом формы выражения и субстанции выражения и во втором соответственно формы содержания и субстанции содержания. Субстанция выражения (звуковая материя) и субстанция содержания (семантическая материя, идеи, понятия) выводятся за пределы языка. Провозглашаются существенность только формы и полное подчинение ей субстанции. Считается возможным отождествлять по форме (структуре) язык в любом его субстанциальном проявлении. Отношения между языковыми элементами квалифицируются как функции в логико-математическом смысле. Язык сводится к сети зависимостей (структуре). Подчеркивается положение о том, что язык есть лишь частный случай семиотических систем. Анализ осуществляется сверху, от текста и доводится его до нечленимых далее элементов. Обнаруживаемые при этом отношения регистрируются посредством множества терминов только для текста (процесса), только для системы, а также для текста и системы в совокупности. Границы между разными уровнями языка снимаются. Глоссематиками разрабатывается метод коммутации, позволяющий устанавливать на основе взаимоподставимости с соответствующим изменением в плане содержания (или, наоборот, в плане выражения) единицы-инварианты и отличать их от вариантов, находящихся в отношениях субституции (некоммутируемости). Коммутация понимается как такое парадигматическое отношение, при котором единицы плана выражения находятся в таком же соответствии, как и единицы плана содержания этих же знаков. Этот метод близок к оппозиционному анализу пражцев (принцип минимальных пар). Признается возможным коммутационный тест на всех уровнях анализа. Проводится различение коммутируемости знаков и коммутируемости фигур (элементов плана выражения и, соответственно, элементов плана содержания). Отмечается, что синкретизм есть следствие некоммутируемости двух инвариантов в определенных позициях; понятие синкретизма отличается от используемого пражцами понятия нейтрализации за счет отказа от учета общих признаков у противопоставляемых элементов. Глоссематики сформулировали жесткие методологические требования к описанию, опирающиеся на принцип непротиворечивости, принцип исчерпываемости и принцип предельной простоты. Многими и в лагере структуралистов эта теория была оценена как крайне абстрактная и сугубо реляционистская. Рядом ученых была признана близость теоретических постулатов и методов глоссематики и дескриптивизма. Интересна эта модель (как своего рода алгебра языка) для формально-логического описания как человеческого языка, так и различных семиотических систем, для специалистов в области возникшей позднее математической лингвистики.

38. ДЕСКРИПТИВНАЯ ЛИНГВИСТИКА В США

В дескриптивном направлении необходимо разделять 3 разные группировки или даже школы. Первая из них известна как *Йельская школа*. Это была группа учеников и последователей Леонарда Блумфилда, представленная такими лингвистами, как *Зеллиг Хэррис*, *Бернард Блок*, *Джордж Леонард Трейджер* и т. д. Вторая известна как *Энн-Арборская группа* лингвистов (штат Мичиган). Представители этой группы *Кеннет Ли Пайк*, *Юджин Алберт Найда*, *Чарлз Карпенгер Фриз* и т. д. Также являясь последователями Блумфилда, они в значительной степени были продолжателями идей Эдуарда Сепира. Третья школа известна как *школа трансформационного анализа*, представители которой – *Абрам Ноэм Хомский*, *Роберт Лиз* и т. д. Основное внимание представителей дескриптивного направления сосредоточено на разработке *методики исследования*. Дескриптивная лингвистика создала свою технику лингвистического описания, установила свои категории и рабочие приемы. Дескриптивисты посвящают себя описанию внутренней структуры языка. Внутренняя структура языка складывается, по их мнению, из 3 компонентов: плана выражения (фонология, морфология, фонеморфология), плана содержания и словаря. На первый план выдвигается фонология и морфология. Лингвисты данного направления сосредоточивают свое внимание на описании «внешних» формальных элементов структуры языка, оставляя в стороне все то, что имеет какое-либо отношение к логике, психологии и другим смежным дисциплинам. Работа дескриптивиста состоит из 2 фаз: сбора сырого языкового материала и установления его внутренней организации. Областью исследования для дескриптивной лингвистики является единичный язык или диалект, а само исследование заключается в собирании высказываний в каком-либо едином диалекте и в анализе собранного материала. Материал поставляется обычно избранным для этого информантом. Конкретной областью исследования оказывается обычно единичное и законченное высказывание на данном языке. Высказывание – это отрезок речи определенного лица, ограниченный с обеих сторон паузами. Как правило, высказывание у дескриптивистов не тождественно с «предложением», поскольку многие высказывания состоят из отдельных слов, фраз, незаконченных предложений и т. д. Пользуясь определенной схемой, определенной последовательностью процедур, дескриптивист выявляет, устанавливает структуру описываемого языка. Для дескриптивной лингвистики характерно строгое разграничение отдельных уровней языкового анализа. В языке выделяются несколько уровней: фонологический, морфологический, синтаксический, которые образуют определенную иерархию. Низшим уровнем считается фонологический уровень, а высшим – синтаксический, причем предполагается, что единицы каждого более высокого уровня строятся из единиц непосредственно предшествующего уровня. Например, морфемы строятся из последовательностей фонем. Таким образом, при подобном последовательном прохождении ступеней анализа в порядке возрастающей сложности рассматриваемых языковых явлений результаты, полученные на предыдущем уровне анализа, являются базой для последующего уровня. Но при изучении более низкого уровня данные высшего уровня не учитываются. Так, например, фонологический анализ не должен учитывать ни данных морфологии, ни синтаксиса, ни семантики. Позднее, с разработкой трансформационного метода в противоположность традиционному дескриптивному рассмотрению материала в порядке возрастающей сложности был предложен нисходящий порядок его рассмотрения. Одним из основных положений дескриптивизма является требование объективности описания материала, т. е. независимости получаемых результатов от исследователя. Дескриптивизм категорически отграничивается от традиционных лингвистических категорий. В языке выделяются повторяющиеся структурные элементы, описание которых дается в виде строгой и максимально лаконичной системы определений и постулатов, заимствованных из математики и символической логики. Отсюда стремление к созданию чисто формального способа описания языка. В дескриптивной лингвистике таким способом является прием описания лингвистических элементов лишь на основании их воспроизводимости в речи или их дистрибуции. Отсюда и сама область лингвистики, использующая методику дистрибутивного анализа, нередко называется дистрибутивной лингвистикой. Сущность дистрибутивного метода или способа заключается в том, что различные языковые единицы, такие, как фонемы, морфемы, слова, классифицируются на основе их *распределения (дистрибуции)* относительно друг друга в связной речи. Отсюда дистрибуция оказывается основной методологической категорией в дескриптивной лингвистике. Рассматривая методику дескриптивистов, очень важно отметить, что объектом их изучения является не столько язык, сколько речь, что многократно подчеркивается всей подробно разработанной методикой дескриптивного исследования, исходящего из речевых отрезков.

39. ВИДЫ ЯЗЫКОВЫХ КОНТАКТОВ И ФАКТОРЫ ЯЗЫКОВОГО ДОМИНИРОВАНИЯ

Языки подвержены постоянным изменениям. Однако лишь их часть происходит под влиянием внутренних закономерностей, без воздействия извне. Причина многих изменений – взаимодействие языков друг с другом. Языковые контакты могут быть как тесными, так и эпизодическими. Один полюс составляют случаи, когда носители разных языков не очень стремятся изучить языки друг друга. Их цель – лишь получить из другого языка минимальную необходимую информацию, например, о том, как называется нечто, с чем они столкнулись. В результате язык пополняется несколькими новыми словами. Поскольку взаимопонимание неполно, значение новых слов может сильно отличаться по сравнению с языком источника. На другом полюсе оказываются случаи, когда человек владеет 2 языками почти одинаково хорошо, не смешивая их друг с другом. Это чаще бывает, если он осваивает разные языки уже в раннем детстве, общаясь с их носителями. Но и здесь со временем они вступают во взаимодействие. Двуязычный человек может столкнуться с тем, что в одном языке что-то выразить оказывается труднее, чем в другом и прибегает к средствам иной системы. «Наложение» системы одного языка на систему другого называется в языкознании *интерференцией* (термин взят из оптики, где он обозначает наложение одной световой волны на другую). В редких случаях человек даже может не владеть до конца ни одним из языков, при этом каждая из систем накладывается на другую; такой случай называют *полуязычием*. Интерференция может проявляться на разных уровнях. В области фонетики влияние первого языка приводит к явлениям, которые обычно называют *акцентом*. Осваивая чуждую для себя фонетику, человек бессознательно подставляет на место непривычных звуков сходные с ними звуки своего языка. Если языковые контакты становятся достаточно массовыми, а двуязычие широко распространенным, изменения в языках могут стать очень существенными. Так, германским и романским языкам в отличие от большинства славянских не свойственно противопоставление твердых и мягких согласных. И даже заимствование английским или французским языком некоторых слов из славянских языков не привело к его появлению. А вот находившийся в очень тесных контактах со славянскими румынский язык, единственный из романских, развил это противопоставление: *lup* с твердым **p** («волк») – *lup'* с мягким **p'** (орфографически *lupi*; «волки»). В области грамматики также происходит значительная интерференция. Трудно освоить грамматические явления чужого языка, которые отсутствуют в родном. Для русских серьезной проблемой становятся артикли в западноевропейских языках, а для носителей последних – употребление русских видов. Там, где есть выбор, отдается предпочтение тому, что более сходно с родным языком. Например, носитель русского языка, изучая французский, легко освоит конструкции типа *Je vois qu'il vient* («Я вижу, что он идет»); здесь каждому русскому слову соответствует французское и слова идут в одинаковом порядке. Но по-французски то же значение может быть выражено и иначе: *Je le vois venir* («Я вижу его идущим», дословный перевод: «Я его вижу идти»). Такая конструкция не имеет русских параллелей и осваивается с трудом; русские, даже свободно владеющие французским языком, обычно избегают таких конструкций в своей речи, этим ее обедняя. Хотя грамматическая интерференция обычна, она редко приводит к изменениям в грамматике языков. Несколько легче происходят контактные изменения в сфере синтаксиса. Синтаксические конструкции многообразны и сложны, они в полном объеме осваиваются человеком значительно позднее морфологии. Больше всего изменений, связанных с контактами, происходит, безусловно, в сфере лексики. Языков без лексической заимствований не бывает, хотя их доля в словаре того или иного языка может быть различной. Например, в японском языке заимствования, особенно из китайского и английского, составляют более половины всех слов. А в соседнем китайском заимствований значительно меньше. Причины здесь могут быть как внеязыковые, прежде всего культурные, так и собственно языковые. *Калька* – это один из вариантов образования нового слова; это образование нового слова или нового значения слова путем буквального перевода соответствующей иноязычной единицы. Например, на основе латинского слова *peninsula*, составленного из *pen* – «половина» и *insula* – «остров», появились немецкое *Halbinsel* и русское полуостров с тем же значением и той же структурой; во французском же появилось слово *presqu'île* («почти остров»), это тоже калька, но менее точная. Русское *трогать* получило новое значение «вызывать сочувствие» под влиянием французского *toucher* с той же многозначностью. Новые слова появляются обычно при заимствовании каких-либо понятий. Они могут прямо заимствоваться, калькироваться или создаваться независимо от другого языка. В наши дни преобладает более простой способ прямых заимствований из других языков. Иногда народы стихийно вырабатывают особый, более простой вариант своего языка для общения на нем с иноплеменниками. Со временем именно этот вариант может стать главным и даже вытеснить исконный язык. В результате целая группа географически близких и тесно контактирующих языков иногда приобретает общие свойства. В таких случаях говорят о *языковом союзе*, этот термин ввел в науку один из крупнейших языковедов XX века Николай Сергеевич Трубецкой. Существует, например, балканский языковой союз, куда входят румынский, болгарский, македонский, сербскохорватский, албанский, новогреческий – языки, принадлежащие к разным семьям. Упомянутое выше появление мягких согласных в румынском языке – проявление этого союза. Один из интенсивно контактирующих языков может вытеснить другой. Иногда случается так, что в результате контактов возникает принципиально новый язык, совсем не похожий на исконные языки людей, вступающих в общение. Таким образом, контакты между языками естественны и неизбежны. Однако результат этих контактов в зависимости от конкретной ситуации бывает самым различным. Языки могут остаться теми же, что были, немного пополнив свой словарный запас. Они могут значительно измениться, расширить или сузить свои функции и даже умереть. Наконец, в результате контактов может появиться новый, ранее не существовавший язык.

40. ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ СТИЛИ И СФЕРЫ РЕЧЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ

Речь, которую используют в какой-либо специализированной сфере, например в официально-деловой или научной, называют *книжно-специальной речью*, а каждую ее разновидность – *функциональным стилем*. Среди функциональных стилей особенно четко выделяются *официально-деловой (канцелярский), научный и публицистический (ораторский)* стили. Все они обладают особенностями, связанными с их назначением и функцией. Эти стили используют в первую очередь для создания *письменных монологических текстов*: официально-деловой стиль – для официальных бумаг, научный – для научных работ, профессионально-технический – для инструкций по применению различных технических приспособлений, газетно-публицистический – для статей и очерков, в которых журналисты стремятся повлиять на точку зрения читателя. Главная черта официальной бумаги – ее предельно стандартная форма. Значительную часть текста таких бумаг повторяют во всех документах данного типа. Поэтому для многих типов официальных бумаг – анкет, справок, договоров и т. д. – существуют бланки, на которых «постоянный» текст уже напечатан. Чтобы получился документ, необходимо только заполнить бланк – вписать или впечатать «переменный» текст. В официальных документах часто используют языковые штампы и стереотипы, так называемые *клише́*, но это ни в коей мере не является недостатком. От документа не ждут, чтобы в нем проявилась яркая индивидуальность его автора, – наоборот, чем более клиширован документ, тем удобнее им пользоваться. Для официально-делового стиля характерны сухость, отсутствие эмоционально окрашенных средств выражения. Итак, все особенности официально-делового стиля подчеркивают его главную черту – стандартизованность, для которой так важны многочисленные клише и речевые штампы. Основная функция научного стиля – информировать читателей-коллег о новом научном результате, полученном автором работы. Однако текст при этом обычно строится не как голая передача информации, а как приглашение читателя к совместному рассуждению. Яркая черта научного стиля – большое количество специальных терминов. Другая характерная черта научного стиля – обилие так называемых *метатекстовых оборотов*, когда автор сообщает не о непосредственном предмете исследования, а о том, как он организовал свой собственный текст. Главная черта публицистического стиля – эмоционально-оценочные выражения с большим или меньшим эмоциональным зарядом. В зависимости от положительной или отрицательной оценки того, о чем идет речь, публицист может использовать наименования *партизаны* или *бандиты*; *собрание* или *сборище*; *соглашение*, *договор* или *сговор*, *делка*. Можно написать: *Опытный политик заключил соглашение с руководителями партизанских отрядов*. Но при отрицательной оценке соглашения то же самое событие опишут по-другому – например, так: *Матёрый политикан вступил в сговор с главарями бандитских шайк*. Обилие эмоционально-оценочных выражений в произведениях публицистического стиля прямо связано с его основной функцией – воздействием на адресата. Авторы статей, очерков и репортажей не просто информируют читателя, но и пытаются внушить ему ту или иную оценку описываемых событий. Язык обеспечивает нам все необходимые средства для общения в любой ситуации; языковые особенности функционального стиля также соответствуют его назначению. И богатство языка нужно уметь использовать, хотя

41. ЯЗЫКОВАЯ ИНТЕРФЕРЕНЦИЯ И ЕЕ ВИДЫ

«Наложение» системы одного языка на систему другого называется в языкознании *интерференцией* (термин взят из оптики, где он обозначает наложение одной световой волны на другую). В редких случаях человек даже может не владеть до конца ни одним из языков, при этом каждая из систем накладывается на другую; такой случай называют *полуязычием*.

Интерференция может проявляться на разных уровнях. В области фонетики влияние первого языка приводит к явлениям, которые обычно называют *акцэ́нтом*. Осваивая чуждую для себя фонетику, человек бессознательно подставляет на место непривычных звуков сходные с ними звуки своего языка. Если языковые контакты становятся достаточно массовыми, а двуязычие широко распространенным, изменения в языках могут стать очень существенными. Так, германским и романским языкам в отличие от большинства славянских не свойственно противопоставление твердых и мягких согласных. И даже заимствование английским или французским языком некоторых слов из славянских языков не привело к его появлению. А вот находившийся в очень тесных контактах со славянскими румынский язык, единственный из романских, развил это противопоставление: *lup* с твердым **p** («волк») – *lup'* с мягким **p'** (орфографически *lupi*; «волки»). В области грамматики также происходит значительная интерференция. Трудно освоить грамматические явления чужого языка, которые отсутствуют в родном. Для русских серьезной проблемой становятся артикли в западноевропейских языках, а для носителей последних – употребление русских видов. Там, где есть выбор, отдается предпочтение тому, что более сходно с родным языком. Например, носитель русского языка, изучая французский, легко освоит конструкции типа *Je vois qu'il vient* («Я вижу, что он идет»); здесь каждому русскому слову соответствует французское и слова идут в одинаковом порядке. Но по-французски то же значение может быть выражено и иначе: *Je le vois venir* («Я вижу его идущим», дословный перевод: «Я его вижу идти»). Такая конструкция не имеет русских параллелей и осваивается с трудом; русские, даже свободно владеющие французским языком, обычно избегают таких конструкций в своей речи, этим ее обедняя. Хотя грамматическая интерференция обычна, она редко приводит к изменениям в грамматике языков.

Несколько легче происходят контактные изменения в сфере синтаксиса. Синтаксические конструкции многообразны и сложны, они в полном объеме осваиваются человеком значительно позднее морфологии. Больше всего изменений, связанных с контактами, происходит, безусловно, в сфере лексики. Языков без лексической заимствований не бывает, хотя их доля в словаре того или иного языка может быть различной. Например, в японском языке заимствования, особенно из китайского и английского, составляют более половины всех слов. А в соседнем китайском заимствований значительно меньше. Причины здесь могут быть как внеязыковые, прежде всего культурные, так и собственно языковые. *Калька* – это один из вариантов образования нового слова; это образование нового слова или нового значения слова путем буквального перевода соответствующей иноязычной единицы. Например, на основе латинского слова *peninsula*, составленного из *pen* – «половина» и *insula* – «остров», появились немецкое *Halbinsel* и русское полуостров с тем же значением и той же структурой; во французском же появилось слово *presqu'île* («почти остров»), это тоже калька, но менее точная. Русское *трогать* получило новое значение «вызывать сочувствие» под влиянием французского *toucher* с той же многозначностью. Новые слова появляются обычно при заимствовании каких-либо понятий. Они могут прямо заимствоваться, калькироваться или создаваться независимо от другого языка. В наши дни преобладает более простой способ прямых заимствований из других языков.

41а, 41б. ПОНЯТИЕ ЯЗЫКОВОЙ УНИВЕРСАЛИИ. ТИПОЛОГИЯ УНИВЕРСАЛИЙ

Универсалиями называются общие явления, представленные в какой-то области знания (скажем, понятие «энергия» представлено в любой естественной науке). Универсалии языкового строя характеризуют строй всех языков и подразделяются на 3 разряда: универсалии языка, лингвистические универсалии и универсальные дефиниции. Наиболее простыми являются *универсалии языка*. Они выводятся как результат прямого наблюдения над строем многих (сотен) языков и представляют утверждения вида: «*Все языки содержат имена Бога или имена богов*», «*Во всех языках есть личные местоимения*» и т. д. Бóльшая их часть относится к философии языка и связана не со сравнительным языкознанием, а скорее с историей культуры человечества, но некоторые из них характеризуют именно языковой строй. Скажем, в наших примерах универсалия об именах Бога или богов относится к культуре, а о местоимениях – к языковому строю и отражает лингвистическое типологическое знание. Следующий разряд составляют *лингвистические универсалии*: они всегда относятся только к части языков, нередко к очень ограниченному их числу. Например, утверждение «*Если в языке есть зубной кликс, то есть и боковой кликс*» (кликсы – звуки, произносимые на вдохе) относится только к койнсанским языкам – бушменскому и готтентотскому (юг Африки). Другим признаком лингвистических универсалий является то, что они могут выражать связь 2 или более языковых особенностей. Однако эти особенности свойственны только названным языкам и никаким более. Например, «*В языках с морфологической значимостью слога деления нет флексий*» (универсалия Евгения Дмитриевича Поливанова): данное справедливо лишь для языков, в которых границы слогов совпадают с границами морфем (китайского, вьетнамского, тайского и им подобных). И, наконец, *универсальные дефиниции*, представляющие собой специальное теоретическое знание-вывод, касающееся аналитических средств лингвистики, исследования языка лингвистики. Иначе, это элемент (продукт) метаязыка лингвистики, построенный для целей типологического исследования. Лингвист-типолог обычно сравнивает языки именно через описания универсальных дефиниций, исполненных другими лингвистами. Лингвисты, составляющие подобные описания, зачастую исходят из разных принципов. Так, с точки зрения сиолога *Анри Масперо*, в китайском языке нет частей речи. Этот вывод связан с тем, что Масперо критерием определения частей речи считал словоизменение по типу индоевропейских языков. Однако применение совокупности критериев – синтаксических, морфологических и лексико-семантических – позволило установить наличие частей речи и в китайском языке. Универсальные дефиниции служат для проверки единообразия принципов лингвистического описания тех языковых систем, которые сравнивает типолог. Признаки средств анализа, т. е. универсальные дефиниции (иными словами, система понятий), по своей природе присущи не только языку, но и любой другой семиотической системе и вообще любой форме деятельности. Приведем пример универсальной дефиниции из совсем иной области знаний: «*Если линейная последовательность содержит дистрибутивно различные элементы (элементы, характеризующиеся контрастной и дополнительной дистрибуцией), то есть и парадигмы*». И лингвистические универсалии, и универсальные дефиниции исходят из признаков языка, т. е. из одной и той же эмпирической области; но при этом первые основываются лишь на естественных языках и ограничиваются ими, а вторые только описывают средства лингвистического анализа. Лингвистические универсалии индуктивны, для их выведения необходимо обследовать языковые системы; универсальные дефиниции, напротив, дедуктивны, их можно интерпретировать на материале естественного языка и затем перенести на другие области семиотики.

42. ЮРИДИЧЕСКИЙ И ФАКТИЧЕСКИЙ СТАТУС ЯЗЫКА. ПОНЯТИЕ ЯЗЫКА-ПОСРЕДНИКА

Государственная власть, как правило, стремится контролировать языковую ситуацию в стране. Она всегда, пусть с разной степенью активности, поощряет существующую ситуацию или изменяет ее, поддерживает одни языки и сдерживает роль других. Это называется *языковой политикой* государства. В индустриальном обществе приоритетна потребность взаимопонимания, и именно ее обычно стремится удовлетворить языковая политика. Самый эффективный путь – распространить единый для всего государства язык. Такой язык имеет привилегированное положение, часто закрепленное законодательно; он называется *государственным языком*. Есть страны, где ни один язык не может считаться языком большинства. В таких случаях языковая политика бывает различной. Один возможный путь указала Швейцария, где ни один язык не может считаться господствующим и каждый гражданин имеет полное право быть одноязычным. Выдержать этот принцип довольно сложно. Второй вариант – использование как государственного «ничьего» языка (*языка-посредника*), часто языка бывших колонизаторов. Иногда это единственный официальный язык, как в большинстве стран Тропической Африки. Иногда же выстраиваются как бы 2 этажа государственных языков. В Индии государственных языков 16, но все они, кроме английского и санскрита (языка религии), – официальные языки разных штатов, а на общегосударственном уровне преобладает английский. Наконец, третий вариант – использование одного из языков меньшинств. Это может быть язык политически господствующего меньшинства. Возможны и другие случаи. В Индонезии после установления независимости общегосударственным языком стал малайский, теперь именуемый индонезийским. Без языковых конфликтов не обошлась история ни одной страны. Если в государстве имеется несколько государственных или официально признанных языков, то это часто приводит к политической неустойчивости – спокойная Швейцария здесь исключение. В современном мире повышается внимание к многообразию языков. Одновременно усиливается роль немногих привилегированных языков особенно английского.

43. ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА И ЕЕ ВИДЫ. ЯЗЫКОВОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО, ЯЗЫКОВОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ, ЯЗЫКОВОЕ ПРОГНОЗИРОВАНИЕ

Государственная власть, как правило, стремится контролировать языковую ситуацию в стране. Она всегда, пусть с разной степенью активности, поощряет существующую ситуацию или изменяет ее, поддерживает одни языки и сдерживает роль других. Это называется *языковой политикой* государства. В индустриальном обществе приоритетна потребность взаимопонимания, и именно ее обычно стремится удовлетворить языковая политика. Самый эффективный путь – распространить единый для всего государства язык. Такой язык имеет привилегированное положение, часто закрепленное законодательно; он называется *государственным языком*. Есть страны, где ни один язык не может считаться языком большинства. В таких случаях языковая политика бывает различной. Один возможный путь указала Швейцария, где ни один язык не может считаться господствующим и каждый гражданин имеет полное право быть одноязычным. Выдержать этот принцип довольно сложно. Вторым вариантом – использование как государственного «ничьего» языка (*языка-посредника*), часто языка бывших колонизаторов. Иногда это единственный официальный язык, как в большинстве стран Тропической Африки. Иногда же выстраиваются как бы 2 этажа государственных языков. В Индии государственных языков 16, но все они, кроме английского и санскрита (языка религии), – официальные языки разных штатов, а на общегосударственном уровне преобладает английский. Наконец, третий вариант – использование одного из языков меньшинств. Это может быть язык политически господствующего меньшинства. Возможны и другие случаи. В Индонезии после установления независимости общегосударственным языком стал малайский, теперь именуемый индонезийским. Без языковых конфликтов не обошлась история ни одной страны. Если в государстве имеется несколько государственных или официально признанных языков, то это часто приводит к политической неустойчивости – спокойная Швейцария здесь исключение. В современном мире повышается внимание к многообразию языков. Одновременно усиливается роль немногих привилегированных языков особенно английского. *Языковое планирование* и *языковое прогнозирование* связаны с развитием языков. Этот вопрос поднимает ученик Бодуэна де Куртенэ – *Евгений Дмитриевич Поливанов*. Он отмечал, что в ряде случаев вмешательство в развитие языка возможно и необходимо. Самый очевидный пример – графика и орфография. Возможны сознательные изменения в лексике, в частности – создание терминологии в какой-либо научной или культурной области. Вполне сознательный процесс – формирование литературной нормы. В области фонетики и грамматики при этом не вводится «никаких специфических новшеств» (они происходят бессознательно), но один из диалектов данного языка выбирается в качестве литературного вполне осознанно. Все эти процессы входят в языковую политику. Поливанов был одним из основателей *социолингвистики*.

44. ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ. ПОНЯТИЕ И ПРОБЛЕМЫ ЕЕ ОПИСАНИЯ

Положение дел с языками в том или ином государстве ученые называют *языковой ситуацией*. В это понятие входят соотношение двуязычия и одноязычия, роль тех или иных языков в разных сферах жизни и культуры. В большинстве же стран существует иерархия языков и связанная с ней иерархия людей. На вершине находятся одноязычные носители господствующего языка, в середине – двуязычные граждане, внизу – одноязычные носители языков меньшинств. Одноязычие тех, кто занимает низшее место в общественной иерархии, когда вынужденное. Чаще всего это женщины. Например, среди живущих в США выходцев с острова Пуэрто-Рико до сих пор испанское одноязычие считается нормой для женщин. По мнению пуэрториканцев, родной язык – это язык для дома, а английский – язык для улицы. Если женщина знает язык для улицы – значит, она плохо исполняет свои домашние обязанности. Для мужчин в этой общине нормой считается двуязычие. Языковая иерархия не вполне совпадает с социальной, однако связь, безусловно, есть. Среди одноязычных носителей господствующего языка могут быть богатые и бедные, образованные и необразованные. Но одноязычные носители языков меньшинств всегда оказываются внизу. Что же касается двуязычных граждан, то они могут ощущать свое языковое неравенство с теми, кто с раннего детства говорит на господствующем языке. Выводы из этого люди делают разные. Для одних стремление подняться вверх важнее, чем национальные чувства. Им надо прежде всего освоить господствующий язык, а свой можно и забыть. И уж во всяком случае надо обеспечить знание господствующего языка детям. Внуки переселенцев в США обычно знают только английский язык. Обратная сторона этого – забвение малых языков. Уже в XX в. исчезли мэнский язык в Великобритании, айнский в Японии, убыхский в Турции (носители этого языка переселились туда в XIX в. с Кавказа), камасинский язык в России (на Енисее), Десятки индейский языков в США и Канаде, десятки языков аборигенов в Австралии... Другой возможный вариант – пользуясь господствующим языком, одновременно сохранять исконный язык в качестве национального символа. Так поступают некоторые малые народы Европы. И третий вариант: ставится задача сломать иерархию. Обычно так поступают народы, которые борются за национальную независимость. В первой половине XIX в. чешский язык считался деревенским и использовался только в быту. В городах чехи переходили на немецкий язык. Чешскому языку предсказывали скорое исчезновение. Но получилось иначе. Началась борьба за национальное возрождение – прежде всего в культурной сфере. Иное положение во многих бывших колониях, например в Индии или Нигерии. Здесь среди местных языков ни один не может господствовать над другими, сказывается также их недостаточное развитие. Роль высшего языка в Нигерии играет английский, хотя практически ни для кого он не может считаться родным. В Сенегале такую роль играет французский, в Анголе – португальский и т. д. В этих странах не 3 уровня иерархии, а 2. Привилегированное положение занимают двуязычные люди, знающие европейский язык. Обычно они составляют не более нескольких процентов населения, но играют ведущую роль в культуре и во властных структурах.

45. СОЦИАЛЬНАЯ СУЩНОСТЬ ЯЗЫКА И ЕГО ОСНОВНЫЕ ФУНКЦИИ

Язык является социальной категорией, т. е. выполняет определенные функции в обществе. К таким функциям можно отнести *функцию воздействия* (с помощью языка один человек воздействует на другого, например, начальник отдает распоряжение подчиненным). Другие функции – *функция общения, функция формирования и выражения мыслей* и т. д. Воздействие социальной среды на язык и речевое поведение людей изучает *социолингвистика* – особое направление в языкознании, которое возникло и сформировалось в самостоятельную научную дисциплину в XX в. В разных ситуациях общения необходимо использовать разные языковые средства. Это хорошо понимали задолго до возникновения социолингвистики. Представление о том, в каких ситуациях, при исполнении каких ролей каким языком надо говорить, формируется по мере того, как человек из ребенка превращается во взрослого. Этот процесс называется *языковой социализацией*, т. е. языковым «вхождением» в данное общество, его тоже изучает социолингвистика. В некоторых обществах (государствах, странах, отдельных территориях) используется не 1 язык, а 2 или несколько. Обычно один из них – государственный и в этом смысле общеобязательный. Чтобы нормально жить в обществе, разговаривать с другими людьми, продвигаться по социальной лестнице, необходимо знать государственный язык, даже если он не родной. Социолингвисты ставят перед собой и еще одну задачу: регулировать развитие и функционирование языка (или языков), не полагаясь целиком на самопроизвольное течение языковой жизни. При этом надо учитывать, что одни люди легко принимают разные новшества, другие, напротив, отстаивают традиционность; некоторым нравится строгость иностранных научных терминов, а другие выступают за самобытность. Изучая различия в оценках, можно выделять социально более или менее престижные формы речи, а это немаловажно для развития языковой нормы. Направление социолингвистики, которое занимается этими вопросами, носит название *языковой политики*.

46. ЯЗЫК И СОЗНАНИЕ. ПРИНЦИПЫ ИХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Сознание – процесс отображения действительности нервно-мозговой системой человека. Это система определенных идей, воззрений или верований. Проблема «язык + сознание» остается спорно и сейчас. Сознание – это деятельность, а язык ее отражает. Функции языка по отношению к сознанию:

- язык выступает в роли орудия, формирующего сами акты сознания;
- каждый акт соединяется со словом и в нем отражается;
- язык представляет собой средство выражения сознания.

Применение языка в речи и формирование речевой цепи дает возможность воспринимать содержание и самим автором высказывания, а не только его слушателями или читателями. Следовательно, язык становится важнейшим условием осознания восприятия человека. В развитии человеческого сознания язык сыграл очень важную роль. Сознание – одно из главных условий, которое вызывает перемены в лексико-семантической системе языка. Оно представляет собой условие и основную причину развертывания речи. Значит, именно в речи происходит реализация языка.

47. ЯЗЫК И МЫШЛЕНИЕ В СИСТЕМНОМ ФУНКЦИОНИРОВАНИИ

У языка два назначения, две работы – *служить общению* людей и быть *средством мысли*. Если соберутся несколько человек и начнут общаться, то между ними сразу появится «невидимка» - язык. Он объединяет людей, дарит им возможность взаимопонимания. Когда говорят об этой важной функции языка – быть средством общения, на первый план выдвигается обозначающее, т. е. то, что мы непосредственно воспринимаем. Оно делает речевое намерение явным, доступным для других. Но важен и весь знак целиком, вместе с обозначаемым, явным ведь делается определенный смысл. Язык служит и для мышления. Знаки языка имеют обозначаемое: понятия и представления, все это – мысль. Знаки языка позволяют соединять значения, строить из них рассуждения, сопоставлять их – мыслить. Даже если человек мыслит не вслух, а про себя, все равно его мысли должны быть как-то явлены ему самому, иметь обозначающее, а значит, и здесь нужен язык. Проблема взаимоотношения языка и мышления затрагивалась Вильгельмом фон Гумбольдтом. Но если его представления о путях развития языков уже в основном принадлежат истории, то другая его идея – о связи между языком и духовной природой человека – намного опередила свое время. Современная наука только пытается подступиться к ее разработке. Конечно, Гумбольдт писал свои труды более полутора столетий назад, когда еще не предъявляли строгих требований к научной точности. Многие его мысли изложены очень нестрого и имеют характер скорее гениальных догадок, чем последовательной научной теории. И все-таки его идеи до сих пор остаются актуальными и привлекают внимание специалистов. До Гумбольдта, а часто и после него, считалось, что язык представляет собой лишь внешнюю оболочку для мысли. Например, по мнению авторов *«Грамматики Пор-Рояля»*, единая мыслительная основа существует для всех языков, которые имеют лишь частные различия. Гумбольдт же высказал иную идею: *«Мышление не просто зависит от языка вообще... до известной степени оно определяется каждым отдельным языком»*. Он не отрицал универсальность человеческого мышления, но считал, что представления человека о мире зависят от того, на каком языке он мыслит. Гумбольдт первым увидел, что язык не сводится ни к логическому мышлению, ни к копированию мира, и выдвинул множество аргументов в пользу новой точки зрения. Мир, как отмечал Гумбольдт, по-разному членится в различных языках. Даже при сравнении, например, русского языка с английским видны различия такого рода. Русскому слову **рука** в английском соответствуют 2 слова: **hand** (*кисть руки*) и **arm** (*рука от кисти до предплечья*). Конечно, можно считать, что слову **hand** соответствует **кисть**, но это слово явно более специальное, а **hand** часто можно перевести только как **рука**. Слову **arm** в русском языке вообще нет однословного соответствия. Напротив, английскому глаголу **wash** соответствуют и **мыть**, и **стирать**. Еще больше различий в членении мира выявляется, например, если сравнить русский язык с японским или арабским. Гумбольдт утверждал, что язык помогает человеку познавать мир, но и само познание зависимо от языка: *«Как отдельный звук встает между предметом и человеком, так и весь язык в целом выступает между человеком и природой, действующей на него изнутри и извне. Человек окружает себя миром звуков, чтобы воспринять в себя и переработать мир вещей... Человек... живет с предметами так, как их преподносит ему язык...»*. Поскольку же языки несходны, разным будет и восприятие мира людьми разных культур: *«Каждый язык описывает вокруг народа, которому он принадлежит, круг, откуда человеку дано выйти лишь постольку, поскольку он тут же вступает в круг другого языка»*. Если человек хорошо освоил чужой язык, то такое освоение *«можно было бы уподобить завоеванию новой позиции в прежнем видении мира»*. Однако чаще всего «мы в большей или меньшей степени переносим на иностранный язык свое собственное миропонимание и, больше того, свое собственное представление о языке». Можно добавить, что такой перенос будет менее заметен, если изучать язык со сходной картиной мира, например, когда англичанин учит французский. А вот в языке далекой культуры всегда гораздо легче освоить фонетику и грамматику, чем чужую картину мира, необходимую для подлинного владения языком. Проблема, связанная с языковыми картинами мира, с влиянием языка на мышление и поведение человека, в течение полутора веков оказывалась за пределами внимания большинства ученых, хотя бывали и исключения – замечательные американские лингвисты первой половины XX в. *Эдвард Сепир* и *Бенджамин Уорф*. Сейчас лингвистика имеет множество фактов такого рода, но при этом не было и до сих пор нет сколько-нибудь разработанных методов для изучения этих проблем. По крайней мере нет ничего, что можно было бы поставить в один ряд с достаточно строгими методами описания фонетики и грамматики языков или сравнения родственных языков. Только в последнее время лингвисты начали нащупывать подходы к данным вопросам. Проблема языка и мышления, как и многие фундаментальные проблемы, не может быть решена средствами одной лингвистики. Становится ясно, что лингвистика – это лишь часть комплексной науки о мыслительной деятельности человека.

48. СИНХРОНИЯ И ДИАХРОНИЯ ЯЗЫКА

Одно из знаменитых противопоставлений Фердинанда де Соссюра – это противопоставление синхронии и диахронии. С самых древних времен и до XVIII в. язык в европейской науке считался неизменным и не подверженным времени. Изучали древние языки, а описание современных языков казалось задачей, недостойной настоящего ученого. К живым диалектам обращались лишь для того, чтобы найти там следы языка древних эпох. Современными языками занимались люди, далекие от науки: языками культурных народов – педагоги, авторы учебников, а языками «экзотических» народов – миссионеры, военные и чиновники колониальной администрации. Представители этих подходов рассматривали язык каждый в своей плоскости. Соссюр же сумел совместить их в единой объемной картине. Он предложил различать 2 оси координат: ось одновременности и ось последовательности. С осью одновременности связана *синхроническая лингвистика* – описание языка в какой-то момент. Можно исследовать русский язык 90-х гг. XX в. вне какой-либо связи с его историей; это будет синхроническое описание. Если же провести исследование другого типа (например, выяснить, как изменилась система падежей в русском языке или какие звуки праславянского языка не сохранились в древнерусском), это будет работа по *диахронической лингвистике*, включающей историческую и сравнительно-историческую. До Соссюра существовало немало и синхронических, и диахронических исследований. Но эти 2 способа описания часто смешивались. «Уравнивание» синхронической лингвистики с диахронической как бы реабилитировало первую, превращало ее из «недостойного» объекта в серьезное поле деятельности. Многие современники Фердинанда де Соссюра не хотели отказываться от представления о том, что солидное научное исследование языка обязательно должно включать исторический анализ. Из всех идей Соссюра идея о разграничении синхронии и диахронии вызвала наибольшие споры. Однако ученые более молодого поколения подхватили и это разграничение. Пришло время разрабатывать новые, более точные методы изучения языка, а лучший «полигон» для таких методов – современные языки, которые можно изучать максимально полно, используя экспериментальные методы. После Соссюра, конечно, исторические и сравнительно-исторические исследования не прекратились, но центр внимания переместился на синхроническую лингвистику, прежде всего на работу с современными языками. Именно в этой области в XX в. были достигнуты наиболее значительные результаты.

49. СЕМАСИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ТЕКСТА

Раздел языкознания, который изучает значения единиц языка, называется *семантикой* (семасиологией).

Ученые – специалисты в области семантики – не просто фиксируют значения тех или иных слов, а исследуют закономерные смысловые различия и сходство между словами (например, синонимы, антонимы); формулируют правила преобразования одних смыслов в другие (например, чтобы смысл 2 фраз с антонимичными словами был одинаков, к одному из антонимов надо добавить отрицание (*он отсутствовал на последнем уроке – он не присутствовал на последнем уроке*). Изучают особенности смысловых изменений слова при его сочетании с другими словами. Семантика, семантические исследования служат теоретической базой при создании толковых словарей. Правильное истолкование слова невозможно без определения того, какие смысловые компоненты являются существенными, а какие – случайными, т. е. какова структура значения. Словам любого естественного языка свойственна *многозначность*, многосмысленность. Многие слова русского языка имеют не по одному, а по 2 – 3 значения, некоторые – по десятку и более. Одно из значений многозначного слова бывает первичным, *исходным*, а другие значения – вторичными, *переносными*: название как бы переносится с одного объекта на другой. Например, слово *глухой* в первичном значении характеризует человека, который лишен слуха или плохо слышит (*глухой старик*), а в сочетаниях *глухой переулок*, *глухой забор*, *глухой голос*, *глухая ночь*, *глух к моим просьбам* это прилагательное употреблено во вторичных, переносных значениях. Как отличить прямые значения от переносных? Важная черта прямого значения – его конкретность. Если слово имеет 2 или несколько значений и при этом одно из них конкретное, а другое (или другие) – отвлеченное, то, как правило, конкретное значение является первичным, прямым, а все остальные – вторичными, переносными. Если переносное значение встречается очень часто, то оно перестает ощущаться как вторичное, особенно если слово и во вторичном значении именуется конкретные предметы, а не отвлеченные понятия. Многозначное слово в каждом из своих значений по-разному сочетается с другими словами. Словообразовательные связи у многозначного слова также различны: разным значениям соответствуют разные производные. Если речь идет о глухом человеке, то этот физический недостаток называют *глухотой*; если же говорят о глухом согласном, употребляют другое название свойства – *глухость*. Чтобы выяснить оттенки словесных значений, нужно обратиться к толковому словарю. В нем обязательно отмечены сходство и различия в значениях и употреблении синонимов. Хороший толковый словарь (Даля, Ушакова, Ожегова) отражает не только языковое чутье и вкус составителя, но и принятое в данную эпоху

50. ОНОМАСИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ТЕКСТА

Большинство слов языка обозначает понятия, предметы, явления и свойства *Стол* – это вообще стол, а не какой-то конкретный; такого рода слова называются *нарицательными*: ими называют, нарицают любой предмет, действие или свойство из множества подобных. Кроме нарицательных, в языке есть *имена собственные*, которые называют индивидуальные объекты. Личные имена людей лингвисты именуют *антропóнимами*, а имена географических объектов – *топóнимами*. Раздел лексикологии, изучающий антропонимы, называется *антропóнимикой*, а раздел, изучающий топонимы – *топонíмикой*. Антропонимика и топонимика вместе составляют общую научную дисциплину о собственных именах – *ономастику (ономасиологию)*. Ономастика изучает также клички животных, собственные имена предметов материальной культуры, астрономических объектов, явлений природы – например, ураганов, тайфунов и т. д. Имена собственные только называют объект, но не выражают никакого понятия. Собственные имена могут быть социальными знаками: например, некоторые личные имена в те или иные эпохи были распространены лишь в определенных социальных слоях. Личные имена могут быть модными или, напротив, не приниматься обществом. Между собственными и нарицательными именами в языке постоянно идет «обмен». Русские личные имена *Вера, Надежда, Любовь* возникли из нарицательных существительных *вера, надежда, любовь*. Многие имена, заимствованные из других языков, также происходят от нарицательных имен существительных или прилагательных: *Пётр* в переводе с греческого означает «камень», *Виктор* по-латыни – «победитель», *Мария* по-древнееврейски – «горькая». Происходит и обратный процесс – некоторые имена собственные переходят в разряд нарицательных. Так, например, возникли многие обозначения физических единиц (*ампер, ватт, вольт, кулон, ом, паскаль* и т. д.). Имена некоторых литературных героев нередко становятся нарицательными, обозначая человека – носителя определенных свойств. *Митрофанушка* – великовозрастный неуч, *донкихот* – рыцарски самоотверженный, но странный для окружающих человек. Топонимы также могут переходить в разряд нарицательных имен, давая название видам материала, одежды и т. д., производимым в данной местности. Собственные имена, возникающие как результат первичного именованья, играют тройственную роль. Во-первых, они существенны для истории. По хроно-, гидро-, антропо- и топонимам могут быть установлены определенные исторические факты: места обитания людей, их деяния, хронологии важных событий и т. д. Во-вторых, они дают полезный материал для лингвистики, обозначая соотношение между языками, диалектное членение языков, географию их распространения и влияния. И наконец, они занимают важное место в культуре народов, так как фиксируют определенные факты культуры и побуждают к их объяснению и истолкованию. При сравнении языков большое значение имеет сохранность собственных имен: не утрачивая свою древнюю самобытность, они доносят до нашего времени, в частности, такие фонетические и морфологические формы, которые уже отсутствуют в живых языках, и тем самым демонстрируют исторические реликты уже ушедших языковых эпох. В силу этих особенностей изучение собственных имен является предметом историко-филологических и историко-культурных исследований.